

УЖАСТИКИ

(СБОРНИК
СТРАШНЫХ
ИСТОРИЙ)

Шподырев Роман Сергеевич

Роман Шподырев

Ужастики.

<https://litres.ru/74662423>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник ледящих душу историй, где реальность переплетается с древним злом, а самые обычные места становятся источником настоящего кошмара.

Каждая история показывает, как обычные места — детский лагерь, кладбище, кукурузное поле — могут скрывать страшные тайны. Герои сталкиваются с силами, которые невозможно объяснить рационально, и вынуждены бороться не только за свою жизнь, но и за рассудок.

Сборник демонстрирует, что некоторые тайны лучше оставить похороненными, а границы между мирами не стоит переступать. Зло может принимать самые неожиданные формы — от призраков до живых кукол, и его последствия могут преследовать поколения.

Предупреждение: эти истории не для слабонервных. Они заставят вас усомниться в реальности происходящего и надолго лишат покоя.

Содержание

Лагерь «Сосновый бор»	5
Тайна старого кладбища	15
Пугало гуляет в полночь	22
Темный лекарь	31
Карусель судьбы	41
Фотограф	54
Настенька	65
Коллекционер	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ужастики.

Название: Ужастики. (Сборник страшных историй)

Автор: Шподырев Роман Сергеевич

Лагерь «Сосновый бор»

Июль выдался на удивление жарким, будто сама земля решила выжечь из памяти людей всё, что связано с холодом и страхом, но лес вокруг лагеря «Сосновый бор» оставался непроницаемо тёмным, даже когда солнце стояло в зените. Тени под кронами старых сосен казались гуще, чем положено быть теням, и пахли не просто хвоей, а чем-то затхлым, давно забытым, будто под корнями пряталась сама тишина, которая не хочет, чтобы её нарушали. Лагерь встретил новую смену звенящей тишиной и густым ароматом хвои, который смешивался с едва уловимым запахом сырости, поднимавшейся от земли после редких, но сильных дождей. Тридцать детей разного возраста с восторгом выгрузились из автобуса, предвкушая весёлые каникулы, их голоса рассыпались по поляне звонким эхом, и казалось, что лес неохотно принимает этот шум, будто прислушивается к нему с недовольством. Первые два дня прошли как обычно: игры, конкурсы, вечерние костры, на которых вожатые рассказывали безобидные истории про лесных духов, не подозревая, что эти слова падают на готовую почву, и кто-то в темноте слушает их слишком внимательно. Но на третий день вожатые начали замечать странности, мелкие, почти незаметные, но от этого ещё более тревожные. Сначала пропал Петя из третьего отряда — обычный мальчишка, который вечно всех задирает, драз-

нил малышей и первым лез в любую авантюру, словно хотел доказать, что ничего не боится. Его искали до самого вечера, прочёсывая тропы, заглядывая под каждый куст, кричали его имя до хрипоты, но нашли только его кеды у старого колодца — они стояли ровно, будто Петя сам их аккуратно снял, прежде чем шагнуть в темноту. На следующее утро на самом высоком дереве в центре лагеря кто-то вывел огромными буквами «НД», вырезая их чем-то острым прямо в коре, так глубоко, что из ран сочилась прозрачная смола, похожая на застывшие слёзы дерева. Вечером исчезла Света — тихая девочка из второго отряда, которая почти не разговаривала, но всегда сидела ближе всех к огню, будто искала в нём защиту. Её рюкзак нашли у границы леса с запиской: «Ненавижу детей», написанной корявым почерком, где буквы будто плясали от ярости. Паника охватила лагерь, голоса стали тише, смех звучал натянуто, а по ночам дети прижимались друг к другу, стараясь не смотреть в сторону леса. Вожатые организовали патрули, обходя территорию с фонариками, но каждую ночь кто-то из детей исчезал, словно лес протягивал невидимые руки и забирал их одного за другим. На деревьях появлялись всё новые и новые надписи «НД», они возникали в самых неожиданных местах — на стволах у входа в столовую, на ветках над дорожками, даже на старой доске объявлений, где раньше висели расписания мероприятий. На пятый день оставшиеся дети собрались у костра, их лица были бледными, глаза блестели от страха и недосы-

па, они шептались о легенде, которую слышали от старшего отряда: много лет назад в этом лагере жил смотритель, который ненавидел шумных детей, считал, что лес принадлежит только природе, а человеческий смех — это оскорбление для тишины. Когда лагерь закрыли, смотритель сошёл с ума, заперся в своей сторожке и перестал выходить, а потом и вовсе исчез, оставив после себя только запах плесени и тишину, которая стала ещё тяжелее. Последней пропала вожатая Марина — энергичная девушка с заразительным смехом, которая первой бросалась в любую игру и последней уходила спать. Перед исчезновением она успела прошептать: «Он вернулся... Он ждёт новых жертв...», её голос дрожал, а в глазах застыл такой ужас, что никто не решился переспросить, что она имела в виду. Лагерь «Сосновый бор» закрыли навсегда, ворота заколотили досками, а территорию обнесли ржавой сеткой, которая со временем проржавела ещё больше, будто сама природа хотела стереть любые следы человеческого присутствия. Но местные жители говорят, что по ночам в лесу всё ещё можно увидеть тени, скользящие между деревьями, и услышать детский плач, тонкий и жалобный, будто зовущий на помощь, а на деревьях до сих пор появляются зловещие буквы «НД». Говорят, что тот, кто их пишет, до сих пор ждёт новых детей, чтобы напомнить им, что этот лес не для них. Тридцать лет пролетели как один миг, за это время многое изменилось в мире — выросли новые города, появились технологии, о которых раньше не могли

и мечтать, но не в дремучем лесу, где когда-то стоял заброшенный лагерь «Сосновый бор». Время не властно над тайнами, похороненными в его тёмных дебрях, они лежат под слоем опавшей хвои и мха, ожидая, когда кто-нибудь снова потревожит их покой. В 2025 году группа инвесторов решила возродить лагерь, они уверяли, что провели тщательное расследование всех происшествий, изучили архивы и пришли к выводу, что всё это не более чем детские страшилки, рожденные страхом темноты и одиночества. Современный «Сосновый бор» преобразился до неузнаваемости: новые корпуса из стекла и дерева, оборудованные по последнему слову техники, просторные игровые площадки с мягким покрытием, бассейн с подогревом и даже собственный скалодром, который должен был стать гордостью лагеря. Местные власти с энтузиазмом поддержали проект, ведь это означало новые рабочие места и развитие туризма, они видели в этом шанс вернуть жизнь в забытый уголок. Июнь 2025 года стал временем надежд и ожиданий, тридцать детей, отобранных по строгим критериям — от хорошей успеваемости до рекомендаций психологов, — стали участниками пилотной смены. Среди них была и десятилетняя Катя — любознательная девочка с живым воображением и любовью к приключениям, она могла часами сидеть с книгой, а потом вдруг сорваться и побежать исследовать каждый уголок, будто боялась пропустить что-то важное. Её родители долго сомневались, стоит ли отправлять дочь в этот лагерь, ведь слу-

хи о нём всё ещё ходили по городу, шептались на кухнях и в очередях, но положительные отзывы и современные меры безопасности убедили их, что теперь всё будет по-другому. Первые дни прошли идеально, дети наслаждались новыми развлечениями, вожатые сияли от счастья, а родители с гордостью листали фотоотчёты в социальных сетях, не замечая, как на заднем плане, в глубине кадра, мелькают тёмные силуэты, которые камера не успевает зафиксировать. Каждый вечер у костра рассказывались истории, пели песни, и никто не подозревал о надвигающейся опасности, которая притаилась совсем рядом, наблюдая за каждым движением. На четвёртый день Катя заметила странную вещь: прогуливаясь по лесу в одиночестве, она увидела на старом пне свежие буквы «НД», вырезанные так глубоко, что края были рваными, будто их делали в спешке, с яростью. Девочка показала находку вожатой, но та лишь отмахнулась, списав всё на шалости других детей, сказала, что кто-то просто хочет напугать остальных, и велела Кате не обращать внимания. Ночью Катя проснулась от странного шума, он был негромким, но настойчивым, похожим на скрежет металла по дереву, и девочка, поддавшись любопытству, выглянула в окно. Между деревьями мелькала тёмная фигура, она двигалась бесшумно, словно плыла над землёй, и что-то писала на стволе ближайшего дерева, при этом её рука двигалась с такой силой, что казалось, будто она хочет прорезать дерево насквозь. От этого зрелища у девочки по спине пробежал холодок, кото-

рый сковал её на несколько секунд, лишив возможности закричать или пошевелиться. На следующее утро вожатые обнаружили, что Катя пропала, её кровать была аккуратно заправлена, вещи лежали на месте, будто она собиралась вернуться, но самой девочки нигде не было. Поиски не дали результатов, прочёсывали лес, запускали дроны, но будто сама местность сопротивлялась, создавая ложные следы и уводя спасателей в сторону. Камеру видеонаблюдения в том районе почему-то не работала именно в ту ночь, запись обрывалась на середине, оставляя после себя только серый шум, который казался почти живым. Родители были в отчаянии, их голоса срывались на крик, а потом стихали до шёпота, когда они понимали, что никто не может дать им ответа. Лагерь закрыли на неопределённый срок, корпуса опустели, и только ветер гулял по коридорам, шевеля забытые бумажки и игрушки. Следователь Пётр Иванович Смирнов взялся за дело, ветеран уголовного розыска с усталыми глазами и привычкой замечать детали, которые другие пропускают. Он не верил в призраков и легенды, считал, что за каждым преступлением стоит человек из плоти и крови, но факты говорили сами за себя, складываясь в картину, которую он не мог объяснить логикой. На деревьях всё чаще появлялись надписи «НД», они возникали даже там, куда невозможно было добраться без специального снаряжения, и это ставило в тупик экспертов. Местные жители рассказывали о странных тенях, мелькающих в лесу по ночам, о звуках, которые

не похожи ни на вой зверя, ни на человеческий голос, а на что-то среднее, пугающее своей неестественностью. А однажды утром на крыльце полицейского участка нашли записку: «Ненавижу детей», написанную тем же почерком, что и на рюкзаке Светы, и от этого у Петра Ивановича по спине пробежал неприятный холодок, впервые за долгие годы работы. Пётр Иванович начал изучать историю лагеря, он просиживал ночи в архивах, перелистывая пожелтевшие папки, вдыхая запах старой бумаги и пыли, пытаясь собрать воедино разрозненные кусочки прошлого. Он нашёл архивную записку о зрителе Андрее Михайловиче Соколове, тот действительно сошёл с ума после закрытия лагеря, его поведение становилось всё более агрессивным, он кричал на прохожих, бросался камнями и в конце концов исчез, а его тело нашли в том самом старом колодце, где когда-то обнаружили кеды пропавшего Пети. Но что-то не сходилось, детали не складывались в единую картину, и Пётр Иванович чувствовал, что за этой историей скрывается что-то большее, чем безумие одного человека. В один из вечеров Пётр Иванович сидел у костра с местными старожилами, их лица были изрезаны морщинами, а глаза хранили память о временах, когда лес был ближе к людям, и один из них, дед Матвей, рассказал страшную правду, которую передавали из уст в уста только самым доверенным. «Соколов был не один, — прошептал дед, наклоняясь ближе к огню, так что пламя отражалось в его глазах. — У него была дочь. Она жила с ним в сторожке

и разделяла его ненависть к детям, считала, что их смех разрушает лес, а их следы стирают древние тропы. После смерти отца она скрылась в лесу, и с тех пор никто не видел её при свете дня». В ту же ночь Пётр Иванович отправился в лес, он шёл по едва заметной тропе, которая, казалось, сама появлялась перед ним, когда он начинал сомневаться в своём пути. Он нашёл старую сторожку, покрытую мхом и лишайниками, она почти слилась с лесом, став его частью, и только покосившаяся дверь выдавала в ней творение человеческих рук. Внутри сидела древняя старуха, её лицо было похоже на кору дерева, а глаза горели тусклым огнём, в котором отражались все годы, проведённые в одиночестве. «Я ждала, что кто-нибудь догадается, — прошептала она, не поднимая головы. — Мой отец был прав. Этот лес не для детей. Они приносят с собой шум и разрушение, и я должна была защитить его». Старуха не дожила до утра, её сердце не выдержало напряжения, которое копилось годами, и когда рассвет коснулся сторожки, она сидела всё в той же позе, но её глаза уже не видели ничего, кроме вечного леса. Но тайны леса остались, они витали в воздухе, смешиваясь с запахом хвои и сырости, и казалось, что сам лес шепчет эти слова. Лагерь «Сосновый бор» снова закрыли, на входе повесили табличку: «Вход запрещён», буквы на ней уже начали стираться, но смысл оставался прежним. А по ночам в лесу всё ещё можно увидеть тени и услышать детский плач, тонкий и пронзительный, будто зовущий кого-то на помощь. И на деревьях

до сих пор появляются новые зловещие буквы «НД», словно кто-то продолжает дело старухи, не давая лесу забыть о своей боли. Говорят, что тот, кто их пишет, до сих пор ждёт новых детей, чтобы напомнить им, что некоторые места не созданы для человеческого счастья. Прошло ещё десять лет, город вырос, технологии шагнули вперёд, но легенда о лагере «Сосновый бор» живёт, она передаётся из поколения в поколение, обрастая новыми деталями и страхами. Местные жители обходят тот лес стороной, даже днём, будто боятся потревожить его покой, а родители пугают непослушных детей историями о месте, где лес принадлежит только природе, и любое вторжение карается тишиной, которая становится слишком громкой. И каждый год в июле на деревьях появляются новые надписи «НД», словно напоминание о том, что некоторые тайны лучше не тревожить, потому что они могут проснуться и потребовать свою жертву. Местные охотники рассказывают, что иногда видят странные следы в лесу, глубокие и неровные, будто их оставил кто-то, кто не привык ходить по земле, а туристы, забредающие слишком далеко, часто теряются и находят дорогу обратно только чудом, если вообще находят. Говорят, что дух старой смотрительницы до сих пор бродит по лесу, охраняя свою территорию от непрошенных гостей, и каждый раз, когда кто-то пытается нарушить её покой, на деревьях появляются новые зловещие буквы, предупреждая всех: «НД». Но однажды в июле, когда жара стала невыносимой, а лес, казалось, затаил дыхание, в

лагерь пришёл мальчик, который не боялся ни легенд, ни теней. Он был из тех детей, что верят в чудеса и не видят в темноте угрозы, и его смех прозвучал в лесу как вызов. В ту ночь буквы «НД» исчезли с деревьев, будто смытые дождём, которого не было, и лес на мгновение замер, прислушиваясь к этому смеху. А утром мальчик нашёл у своей кровати старую фотографию, на которой была изображена молодая женщина с грустными глазами, стоящая у сторожки, и на обороте было написано: «Прости». И с тех пор лес стал тише, будто наконец-то услышал то, что хотел, и отпустил свою боль, но никто не знает, надолго ли.

Тайна старого кладбища

Я шла по коридору общежития, и каждый скрип старого паркета отзывался внутри меня чем-то вроде глухого удара — будто само здание знало, что со мной происходит, и пыталось предупредить. Лампы мигали, словно не справлялись с тяжестью темноты, которая теперь будто прилипала ко мне, даже днём. Я, Лиза, всё ещё пыталась убедить себя, что это просто нервы, что всё, что случилось, можно объяснить усталостью, перегрузкой, учёбой, которая давила, как бетонная плита. Но стоило закрыть глаза, и я снова видела его — силуэт в чёрном плаще, манящий меня из темноты.

То пари казалось тогда такой ерундой. Обычная студенческая бравада: кто круче, кто смелее, кто не моргнёт первым. Мы сидели в общей гостиной, где пахло подгоревшим кофе и дешёвым фастфудом, а за окнами уже темнело, и город будто съёживался, прячась от наступающей ночи. Лиза — это я. И я сама предложила: «Спорим, я дойду до старой церкви на кладбище и вернусь?» Ребята переглянулись, кто-то хмыкнул, кто-то начал отговаривать, но в их глазах читалось любопытство — им хотелось увидеть, как далеко я зайду. И я пошла.

Кладбище было неподалёку, но казалось, что оно живёт по своим законам, отдельно от города. Старые деревья нависали над дорожками, будто пытались заслонить луну, а надгро-

бия, покрытые мхом и трещинами, напоминали застывшие лица, искажённые веками молчания. Я шла, сжимая кулаки, чтобы пальцы не дрожали, и повторяла про себя: «Это просто кладбище. Здесь нет ничего страшного. Это просто камни и земля». Но чем ближе я подходила к церкви, тем сильнее чувствовала, что за мной кто-то наблюдает. Не просто тень, не просто игра света — а именно взгляд, тяжёлый, настойчивый, будто кто-то изучал меня, оценивал, решал, достойна ли я пройти дальше.

И тогда я увидела его. Силуэт у церкви, в длинном чёрном плаще. Он стоял неподвижно, и в свете луны его фигура казалась неестественно чёткой, будто вырезанной из тьмы. А потом он поднял руку и поманил меня. «Иди ко мне...» — прозвучало в тишине, хотя я не была уверена, услышала ли это ушами или это голос проник прямо в сознание. Я закричала и побежала, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни и надгробия. Мой крик разнёсся по кладбищу, и даже самые смелые из ребят, наблюдавших издалека, вздрогнули.

Утром всё выглядело иначе. Оказалось, что «призрак» был просто местным готом Артёмом, который любил гулять по кладбищу и считал это местом силы. Он стоял у церкви, курил, увидел меня и, приняв за знакомого, помахал рукой. Его жуткая улыбка — всего лишь привычка, а слова «иди ко мне» — просто попытка перекрыть ветер. Но для меня это уже не имело значения. То, что я увидела той ночью, отпечаталось в памяти, как ожог, и стереть его не получалось.

Прошёл месяц, и я дежурила в морге при больнице, где проходила практику. Холод там был особенный — не просто низкая температура, а какая-то пронизывающая пустота, будто само помещение впитывало жизнь и не возвращало её. В ту ночь привезли тело молодого парня, погибшего в автокатастрофе. Когда я увидела его лицо, кровь будто застыла в жилах. Это был Артём. Тот самый парень с кладбища. Его черты, даже искажённые смертью, были узнаваемы: острый подбородок, тонкие губы, которые даже сейчас, казалось, готовы были сложиться в ту самую улыбку.

Я не могла уснуть всю ночь. Мысли крутились вокруг одного: почему именно он? Почему тот, кого я так испугалась, теперь лежит здесь, холодный и неподвижный? А на следующее дежурство случилось нечто, от чего волосы на затылке встали дыбом. Температура в морге резко упала, хотя система климат-контроля работала исправно. Все тела были на своих местах, кроме одного — место, где должен был лежать Артём, оказалось пустым. Санитар, заступивший на смену, рассказал, что слышал странные звуки из этого отделения — будто кто-то тихо насвистывал знакомую мелодию. Это была песня, которую Артём любил напевать, когда мы случайно встречались в общежитии.

С тех пор я начала замечать вещи, которые невозможно было объяснить. Тени двигались там, где не должно быть движения. Зеркала будто искажали отражение, и на долю секунды в них мелькало чужое лицо. Я избегала тёмных кори-

доров, вздрагивала от каждого шороха, а по ночам мне снились кошмары, в которых Артём звал меня по имени, и его голос звучал не из пространства, а изнутри, будто он уже был частью меня.

На втором курсе я познакомилась с Максимом — старшекурсником, будущим патологоанатомом. Он был спокойным, собранным, умел говорить так, что даже самые страшные вещи начинали казаться просто фактами, которые можно изучить и понять. Он сразу заметил, что со мной что-то не так. Однажды он застал меня рыдающей в пустом коридоре общежития. Я рассказала ему всё — про пари, про кладбище, про исчезновение Артёма из морга. Максим слушал, не перебивая, не пытаясь убедить меня, что я сошла с ума. Он просто обнял меня и сказал: «Ты не одна. Мы разберёмся».

Он стал моей опорой. Сопровождал на дежурства, сидел рядом, когда мне казалось, что из темноты кто-то смотрит. Он не смеялся над моими страхами, не пытался их обесценить — он принимал их как часть реальности, с которой нужно считаться. Но однажды ночью всё рухнуло.

Я проснулась от ощущения чужого присутствия. В полумраке комнаты я увидела силуэт на краю кровати. Чёрная ткань плаща сливалась с тенью, но очертания были знакомы до боли. Артём протянул ко мне руку и прошептал: «Ты не должна была узнать правду». В этот момент дверь распахнулась, и в комнату ворвался Максим. Он щёлкнул выключателем, и свет залил комнату, обнажая пустоту. На кровати

никого не было, только я, дрожащая и заплаканная. Максим обнял меня, шептал, что это был кошмар, что всё в порядке. Но я знала — Артём был здесь. Его запах, смесь табака и чего-то затхлого, ещё витал в воздухе.

На следующее утро Максим пропал. Его телефон не отвечал, в общежитии его не видели, в морге он не появлялся. Я бросилась туда, в холодный зал, где тишина была почти осязаемой. И там, на столе для вскрытия, лежал он. Максим. Его лицо было спокойным, будто он просто уснул, но в этом спокойствии было что-то неестественное, как у восковой фигуры. Рядом лежала записка: «Теперь мы вместе. Спасибо, что привела меня сюда».

Мир вокруг меня рассыпался на осколки. Я не могла есть, не могла спать, не могла сосредоточиться на учёбе. Преподаватели начали замечать моё состояние, предлагали взять академический отпуск, но я отказывалась. Мне казалось, что если я остановлюсь, тьма поглотит меня окончательно. В библиотеке я часами листала старые книги, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение. И однажды наткнулась на пожелтевшую папку с записями о старой церкви.

Оказалось, что много лет назад в этом храме проводились запрещённые ритуалы. Местные жители говорили, что тот, кто нарушит покой мёртвых на этом кладбище, станет частью потустороннего мира. Пари, которое казалось такой ерундой, стало точкой невозврата. Я нарушила границу, и теперь мёртвые тянули меня к себе.

В одну из ночей я решилась на отчаянный шаг. Собрав все силы, я вернулась на кладбище. Луна висела низко, словно хотела разглядеть, что происходит внизу. Ветер шелестел в кронах деревьев, и этот звук напоминал шёпот, будто кладбище рассказывало свои тайны тем, кто готов был слушать. У церкви я остановилась и прошептала в темноту: «Я знаю правду. Я нарушила границы, и теперь должна искупить свою вину».

Воздух вокруг меня задрожал, как над горячим асфальтом. Силуэты Максима и Артёма появились передо мной. Но теперь их лица выражали не злобу, а печаль, будто они сами устали от этой вечной игры между мирами. «Прости нас, — услышал я голос Максима. — Мы не хотели причинять тебе боль». «Прощай, Лиза, — добавил Артём. — Теперь мы можем уйти». Их фигуры начали растворяться в воздухе, теряя чёткость, пока не исчезли совсем. Вместе с ними ушёл и страх, который преследовал меня месяцами, тяжёлый и липкий, как смола.

Вернувшись в общежитие, я приняла решение. Больше никаких пари, никаких игр со смертью. Я продолжу учёбу, но теперь посвящу свою жизнь помощи другим. Смерть — это не приключение, не загадка, которую хочется разгадать, а граница, которую нужно уважать.

Прошло много лет. Я стала врачом, и каждый день, спасая чью-то жизнь, я вспоминала ту ночь на кладбище, Максима, Артёма, их прощальные слова. Иногда, проходя мимо клад-

бища, я останавливаюсь у ограды и шепчу слова благодарности тем, кто помог мне найти свой путь. Старая церковь всё ещё стоит, храня свои тайны, но больше никто не слышит о призраках, блуждающих в её окрестностях. Тьма отступила, уступив место свету, который я теперь стараюсь нести другим. Ведь иногда только через тьму можно прийти к свету — и я знаю это не понаслышке.

Пугало гуляет в полночь

Я сидел на скрипучем крыльце, вдыхая густой, тяжёлый воздух деревни, и чувствовал, как липкий страх медленно ползёт по спине, будто кто-то водил по ней ледяными пальцами. Меня зовут Рома, и я до сих пор не могу забыть то лето, когда всё вокруг превратилось в кошмар, который никто не хотел замечать. В тот год родители решили, что мне жизненно необходим «свежий воздух» и «настоящая жизнь вдали от экранов». Они улыбались, паковали мои вещи, а я сжимал кулаки, представляя, как там, в городе, мой скейт-борд пылится в углу, а друзья без меня гоняют мяч во дворе. Для меня деревня была не приключением, а ссылкой.

Первые дни тянулись, как расплавленный гудрон в жару. Я бродил по двору, пинал сухие комья земли, смотрел, как лениво ходят куры, и думал, что хуже этого ничего быть не может. Но потом появилась Диана. Она ворвалась в мою скуку, как вихрь, — кудрявая, шумная, с глазами, в которых плясали бесенята. Она знала тут каждую тропинку, каждый укромный уголок. С ней я впервые почувствовал, что в этой глуши может быть что-то интересное. Мы лазили по деревьям, купались в мутной речке, где вода пахла тиной и водорослями, исследовали заброшенные сараи, в которых пахло плесенью и забытым временем. Диана смеялась, и её смех звенел, как разбитое стекло, — звонко, но с какой-то тре-

возможной ноткой.

Постепенно я начал замечать, что за её весёлостью прячется что-то тёмное. Иногда посреди разговора она вдруг замолкала, её взгляд уплывал куда-то вдаль, а в глазах появлялась такая глубокая печаль, что мне становилось не по себе. Когда я спрашивал, что случилось, она только отмахивалась, улыбалась натянуто и говорила: «Да ничего, просто вспомнила кое-что». Но я видел, как она прячет слёзы, быстро вытирая их рукавом. Это тревожило меня всё сильнее.

Однажды вечером, когда солнце уже садилось, окрашивая небо в кроваво-оранжевые тона, я предложил Диане прогуляться по кукурузным полям. Мне хотелось просто побыть с ней, поговорить по душам, может быть, наконец-то узнать, что её так гнетёт. Она сначала замялась, будто хотела отказаться, но потом кивнула, и мы пошли.

Поля казались бесконечными. Высокие стебли кукурузы шуршали на ветру, словно перешёптывались между собой. Тени становились длиннее, гуще, и казалось, что из них вот-вот кто-то выйдет. И тут я заметил их — пугала. Они стояли через каждые сто метров, словно зловещие часовые. Но это были не обычные пугала, какие ставят, чтобы отпугивать птиц. Эти были пугающе похожи на людей. У одного была куртка, точь-в-точь как у местного мальчишки Пети, у другого — платок, как у бабушки Марьи. Лица... я не мог отвести взгляд от их лиц. Грубо вылепленные из глины и соломы, они всё равно напоминали кого-то из знакомых. В них бы-

ло что-то неестественно живое, будто под слоем грязи пряталось настоящее лицо.

Чем ближе мы подходили, тем сильнее меня охватывал ужас. Сердце колотилось где-то в горле, а ладони стали влажными. Диана шла рядом, но её походка стала тяжёлой, будто ноги не хотели её слушаться.

— Диана, кто сделал эти пугала? — спросил я, и мой голос прозвучал хрипло, непривычно тихо.

Она остановилась, посмотрела на меня, и в её глазах я увидел тот самый потусторонний блеск, который позже стал мне слишком хорошо знаком.

— Это не просто пугала, — прошептала она, и её голос дрожал. — Они живые. Они... они управляют мной.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и страшные. Я хотел рассмеяться, сказать, что это какая-то нелепая шутка, но смех застрял в горле. Диана рассказала мне о древнем зле, которое жило в этих полях задолго до того, как здесь появились первые дома. По легенде, когда-то в этих местах исчезло несколько детей. Их так и не нашли, но каждую осень на полях появлялись новые пугала, всё более похожие на пропавших. Говорили, что пугала — это ловушки для душ. Они заманивают детей, обещая приключения и тайны, а потом превращают их в своих марионеток. И эти марионетки должны приводить новых жертв, чтобы зло могло расти и крепнуть.

Диана призналась, что уже давно слышит их шёпот по ночам. Сначала это были просто тихие голоса, зовущие её

по имени. Потом они стали требовать, чтобы она приводила других детей. Она сопротивлялась, сколько могла, но их воля была сильнее. И теперь они хотели, чтобы она привела меня.

Я не верил своим ушам, но холод, сковавший моё тело, говорил об обратном. Я должен был что-то сделать. Не мог позволить, чтобы Диана стала частью этого кошмара. Собрав всю свою смелость, я решил бороться. Я помчался к старому сараю, где среди ржавых инструментов и сломанных вещей нашёл серп — тяжёлый, с потемневшим лезвием. Он лежал в углу, покрытый паутиной, будто ждал своего часа.

Вернувшись к полям, я начал разрушать пугала одно за другим. Серп со свистом рассекал воздух, врезаясь в солому и глину. С каждым ударом мне казалось, что я слышу тихий стон, будто пугала кричали безмолвно. Пыль и солома летели в воздух, оседая на моей одежде и лице. Диана стояла в стороне, закрыв лицо руками, и плакала.

Когда последнее пугало было уничтожено, наступила странная тишина. Даже ветер, казалось, перестал шуметь в кукурузе. Тьма, которая висела над полями, начала рассеиваться, и я почувствовал, как напряжение покидает моё тело. Диана подбежала ко мне, обняла крепко-крепко, и я понял, что мы победили. Мы вернулись в деревню, где нас уже ждали бабушка с дедушкой. Они улыбались, не подозревая, какой ужас мы только что пережили.

Но спокойствие длилось недолго. Спустя неделю я начал замечать странные вещи. По ночам меня будили приглушён-

ные стоны, доносившиеся из кукурузного поля. Они были такими тихими, что я думал, будто мне снится. Но потом я понимал, что не сплю. Каждое утро на окнах появлялись странные узоры из пыли — тонкие, изящные линии, складывающиеся в силуэты людей. Они были едва заметны, но стоило присмотреться, и становилось жутко.

Диана становилась всё более замкнутой. Она всё реже смеялась, её глаза потускнели, а в них снова появился тот странный блеск. Она часто пропадала по вечерам, говоря, что просто гуляет, но я ей не верил. Однажды я проследил за ней. Она шла по тропинке, ведущей к полю, её шаги были медленными, почти механическими. Когда она дошла до края поля, то остановилась и начала шептать что-то в темноту. Её губы двигались, но слов я не слышал.

— Диана, что ты делаешь? — тихо окликнул я её, стараясь не напугать, но голос всё равно дрожал.

Она резко обернулась, и в её глазах я увидел то, чего боялся больше всего — тот же потусторонний голубой свет, который видел в глазах пугал.

— Они зовут меня, — прошептала она. — Они говорят, что я должна вернуться. Что я принадлежу им.

Земля ушла из-под ног. Холод сковал моё тело, и я понял, что зло не было побеждено. Оно просто ждало своего часа. В ту ночь я не сомкнул глаз. Лёжа в кровати, я слышал, как что-то скребётся в окно, будто длинные когти царапают стекло. А утром, когда первые лучи солнца проникли в ком-

нату, я увидел на стекле надпись, сделанную чем-то похожим на кровь: «Мы вернёмся за тобой».

Бабушка с дедушкой ничего не замечали. Когда я пытался рассказать им о том, что происходит, они только качали головами и говорили, что это просто детские страхи, богатое воображение. Они не видели узоров на окнах, не слышали шёпота по ночам. Для них всё было как обычно.

С каждым днём пугала становились всё сильнее. Они больше не прятались в кукурузном поле — их силуэты всё чаще появлялись на окраинах деревни. Сначала это были едва заметные тени, которые исчезали, стоило подойти ближе. Потом они стали более плотными, реальными. И каждое из них было похоже на кого-то из деревенских жителей. Я видел пугало, которое было точной копией старика Ивана, пугало в платке бабушки Марьи, пугало с лицом Пети.

Я пытался предупредить взрослых, но они только отмахивались. «Не выдумывай, Рома, — говорил дед. — Это просто ветер шевелит кукурузу, тени играют». Но я знал, что это не тени. Это было зло, которое набирало силу.

Однажды ночью я проснулся от тихого стука в окно. Сердце подпрыгнуло к горлу, и я замер, боясь пошевелиться. Стук повторился — тихий, настойчивый. Я подошёл к окну и выглянул наружу. Там стояла Диана. Её лицо было бледным, почти прозрачным, а глаза светились тем самым неестественным голубым светом.

— Прости, — прошептала она одними губами. — Они

сильнее, чем мы думали.

Не успел я ничего сказать, как она развернулась и побежала в сторону поля. Я бросился за ней, но она двигалась с невероятной скоростью, её фигура сливалась с темнотой. Когда я добежал до края поля, то увидел, как она подходит к одному из новых пугал — высокому, с длинными руками, похожими на сухие ветки. Она остановилась перед ним, подняла руки, и вдруг её тело начало растворяться, сливаясь с пугалом. Я кричал, звал её, но мой крик терялся в шуме ветра и шелесте кукурузы.

— Теперь она одна из нас, — прошепестело со всех сторон, и голос был похож на шёпот тысяч сухих листьев. — Ты следующий.

Я рванулся обратно к дому, но путь преградили фигуры в чёрных плащах. Их лица были скрыты капюшонами, но из-под них пробивался тот же голубой свет. Они двигались медленно, но неотвратно, окружая меня со всех сторон. Я метался между ними, пытаюсь найти выход, но каждый раз натёкался на новые фигуры. Воздух стал густым, тяжёлым, будто я бежал сквозь вязкий сироп.

Последнее, что я запомнил, — как меня поднимают в воздух, а чьи-то холодные руки касаются моего лица. Пальцы были сухими, шершавыми, словно сделанными из старой коры. Тьма накрыла меня, и я потерял сознание.

Утром в деревне нашли только новое пугало у края поля. Оно было удивительно похоже на меня. Прохожие останав-

ливались, смотрели на него, качали головами, удивляясь, как мастер смог так точно передать черты лица. В глазах пугала, казалось, навсегда застыла невысказанная мольба о помощи.

С тех пор по ночам в деревне можно услышать тихий шёпот, доносящийся из кукурузного поля. Местные жители стараются не ходить туда после заката, но иногда кто-нибудь всё же решается пройти мимо. И тогда, если прислушаться, можно различить тихий плач и мольбы о помощи. Но лучше не останавливаться, не пытаться разглядеть источник звука. Ведь те, кто слышит эти звуки, уже обречены стать частью древнего проклятия.

Каждое лето в деревне появляются новые пугала. Они стоят в полях, неподвижные днём, но в полнолуние, когда луна заливает поля зловещим светом, пугала оживают. Они медленно ходят между рядами кукурузы, охраняя свою территорию и ожидая новых жертв. Их глаза светятся голубым светом, а в воздухе витает запах смерти и разложения — сладковатый, тошнотворный, от которого хочется бежать без оглядки.

Теперь, когда в деревне появляется новый ребёнок, местные жители с тревогой смотрят на кукурузное поле. Они знают, что зло никогда не умирает. Оно просто ждёт своего часа, чтобы забрать новую жертву и добавить ещё одно пугало в свою зловещую коллекцию.

И я знаю это лучше всех. Потому что иногда, когда ветер особенно сильно шумит в кукурузе, мне кажется, что я слы-

шу свой собственный голос, зовущий из темноты: «Помогите... кто-нибудь, помогите...» Но никто не слышит. Или не хочет слышать. И я остаюсь там, в этом кошмаре, навсегда запертый между рядами кукурузы, обречённый вечно охранять поле от непрошенных гостей.

Темный лекарь

Осенний ветер пробирал до костей, срывая пожелтевшие листья с деревьев и швыряя их в лицо, будто пытался остановить меня, не пустить дальше. Меня зовут Андрей — я чувствовал, как болезнь всё крепче охватывает тело, словно невидимые пальцы сжимали грудь, выжимая из лёгких воздух. Кашель становился всё сильнее, разрывая горло, а температура не спадала уже третью неделю: градусник застыл на отметке тридцать девять и шесть, будто издевался над моими надеждами. Денег на лечение не было, стипендии едва хватало на проезд и хлеб, и я продолжал ходить на занятия, стиснув зубы от боли, глотая таблетки, которые почти не помогали. Моя мать, работавшая на двух работах, чтобы оплатить мою учёбу, каждый день проверяла мою температуру дрожащими руками, но не могла помочь ничем, кроме горячего чая с мёдом и объятий, в которых я прятал лицо, чтобы она не видела, как мне страшно.

В тот вечер температура поднялась до критической отметки — сорок и два. Я лежал в своей комнате, обессиленный и измученный, слушая, как за окном ветер бьётся в стекло, словно кто-то снаружи царапается, просится внутрь. Обои в полоску, когда-то весёлые, теперь казались тюремной решёткой, а тени от уличного фонаря ползли по потолку, будто живые. Когда сознание начало уплывать, я провалился

в тяжёлый сон, наполненный густым, липким мраком. Мне приснился лес — не тот, куда мы ходили на пикники, а чужой, враждебный, где деревья росли слишком близко друг к другу, сплетаясь ветвями, словно когтистые руки. Ночь была непроглядной, но тропинка, ведущая к странным домикам, светилась тусклым, болезненным светом, будто сама земля источала гниlostное сияние. Один из домиков выделялся крестом на крыше, похожим на больничные вывески, только металл был покрыт ржавчиной, а крест казался сломанным, перекошенным, как будто его гнули чьи-то сильные руки.

Словно зачарованный, я подошёл к двери и постучал. Рука двигалась сама по себе, будто не принадлежала мне. То, что появилось передо мной, не было человеком. Существо в медицинском халате, который когда-то был белым, а теперь покрылся бурыми пятнами, напоминавшими засохшую кровь. Кожа у него была неестественно бледной, почти прозрачной, сквозь неё просвечивали тёмные вены, извивавшиеся, как корни старых деревьев. Глаза горели тусклым красным светом, словно угли в остывающем костре. В руках оно держало градусник, стрелка которого дрожала на отметке сорок пять, выходя за пределы шкалы, будто сама физика отказывалась признавать такую температуру. Через приоткрытую дверь я увидел котёл. Красная жидкость в нём булькала, издавая звук, похожий на сдавленные стоны, а в воздухе витал сладковатый запах разложения, смешанный с чем-то металлическим, как запах свежей крови. Кости в вареве ше-

велились, словно живые, скреблись о стенки котла, пытаюсь выбраться, и от этого звука у меня внутри всё сжималось в ледяной комок.

Я проснулся в холодном поту, дрожа всем телом, но, к моему удивлению, чувствовал — мне стало легче. Боль отступила, будто кто-то выключил её, как свет в комнате. На следующий день моя температура действительно снизилась до тридцати семи и двух, и я даже смог встать с постели, дойти до кухни, налить себе стакан воды. Но в голове всё чаще возникали мысли о том странном месте, о существе в халате, о булькающем котле. Сны возвращались каждую ночь, становясь всё ярче, всё реальнее. В каждом из них существо манило меня всё ближе к себе, протягивая руку с длинными, изогнутыми пальцами, и шептало: «Ты знаешь, что тебе нужно. Ты хочешь жить». Я пытался бороться с этим, закрывал глаза, молился, читал книги, чтобы отвлечься, но болезнь возвращалась с новой силой, как только я засыпал. К концу недели температура снова подскочила, а слабость сковывала тело, как тяжёлые цепи.

В городе ходили слухи о загадочном лекаре, который жил в заброшенной больнице на окраине леса. Говорили, что он мог исцелить любую болезнь, даже ту, перед которой пасовали лучшие врачи, но цена была высока. Многие отчаявшиеся люди отправлялись туда в поисках спасения, и некоторые действительно возвращались здоровыми, с румянцем на щеках, с блеском в глазах, который раньше там не светился. Но

что-то в их взгляде менялось навсегда — появлялся холодный блеск, будто внутри них зажгли лампу, которая не гре-ла, а только освещала пустоту. Они улыбались, но улыбки не доходили до глаз, а когда кто-то рассказывал анекдот, они смеялись в нужный момент, но смех звучал фальшиво, как запись, которую прокрутили слишком много раз. Моя мать, видя мои страдания, не могла найти себе места. Она моли-лась за меня перед маленькой иконой, висевшей над кроват-ью, шептала слова, которые я не слышал, но чувствовал в воздухе, как тихий ветер. Но молитвы не помогали, и я по-нимал, что если не найду способ вылечиться, то могу поте-рять не только здоровье, но и жизнь.

Спустя неделю группа студентов отправилась в поход — мы собирались пройти по тропе вдоль реки, разбить лагерь, посидеть у костра, забыть на время о лекциях и зачётах. Я сначала отказался, потому что каждое движение давалось с трудом, но однокурсники уговорили меня, пообещав помо-гать с рюкзаком, с палаткой, со всем, что потребуется. «Тебе нужно подышать свежим воздухом, — говорил Игорь, хло-пая меня по плечу, и я чувствовал, как его рука дрожит от волнения за меня. — Это поможет». И я согласился, хотя в глубине души знал, что свежий воздух не спасёт меня от то-го, что жило в моих снах.

Мы шли по лесу, который днём казался совсем не таким, как в моих кошмарах. Солнечные лучи пробивались сквозь листву, рисуя на земле золотые узоры, птицы щебетали, и

даже ветер теперь не казался злым, а играл с волосами, как шаловливый ребёнок. Но чем дальше мы уходили от города, тем чаще мне казалось, что за деревьями кто-то следит, что тени двигаются не в такт ветру, а по своей, зловещей воле. Ночью мы разбили лагерь на поляне, окружённой высокими соснами, которые стояли, как молчаливые стражи. Костёр трещал, выбрасывая искры в небо, и мы сидели вокруг него, рассказывая истории, смеясь, пытаясь отогнать темноту. Я старался улыбаться, кивать, делать вид, что мне хорошо, но каждый раз, когда взгляд падал на тёмную кромку леса, сердце сжималось от страха, а в ушах звучал шёпот: «Ты знаешь дорогу».

В какой-то момент я отвлёкся, увлёкшись изучением местности, рассматривая карту, пытаюсь понять, где мы находимся, и не заметил, как отошёл от группы. Когда я поднял голову, вокруг была только тишина, нарушаемая далёким уханьем совы и шорохом сухих листьев под ногами. Группа исчезла, будто её поглотила ночь, а я стоял один, чувствуя, как холод пробирается под куртку, как страх сковывает горло. И тогда я снова увидел те самые домики — они стояли среди деревьев, словно выросли за секунду, их окна светились тусклым, неестественным светом, а крест на крыше одного из них казался чёрным силуэтом на фоне звёздного неба. Ноги сами понесли меня вперёд, хотя разум кричал, чтобы я бежал обратно, звал на помощь, но я не мог.

Существо узнало меня. Дверь распахнулась сама по себе,

скрипя, как стон умирающего. Оно стояло на пороге, улыбаясь, показывая острые, как иглы, зубы. «Я знал, что ты придёшь, — прошелестело оно, и голос его был похож на шелест сухих листьев под сапогами. — Твой долг требует оплаты». Я попытался бежать, но земля под ногами стала вязкой, как болото, и каждый шаг давался с трудом, будто кто-то тянул меня назад невидимыми нитями. Дверь захлопнулась сама собой, отрезая путь к отступлению, а в руках существа появился скальпель, лезвие которого мерцало в тусклом свете, отражая красные отблески из котла. В глазах существа зажглось предвкушение, и оно сделало шаг ко мне, протягивая свободную руку.

«Что ты хочешь от меня?» — прошептал я, голос мой дрожал, как пламя свечи на ветру. Существо наклонило голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего я не мог услышать, и ответило: «То, что ты боишься потерять больше всего. Твою душу. Но не бойся, ты получишь взамен жизнь. Долгую, здоровую жизнь. Разве это не то, о чём ты мечтал?» Я хотел закричать, позвать на помощь, но звук застрял в горле, превратившись в тихий хрип. Последнее, что я увидел, — это как существо поднимает крышку котла, и из него вырывается облако пара, пахнущего смертью и чем-то сладким, почти приторным. Последнее, что почувствовал, — как острые когти впиваются в моё плечо, холодные, как лёд, и в этот момент мир вокруг меня рассыпался на осколки, как разбитое зеркало, отражавшее чужие, искажённые лица.

На следующее утро поисковый отряд нашёл мой рюкзак и карту, разбросанные на тропинке, будто я бросил их в панике, и следы, которые вели в глубь леса, а потом обрывались, как будто земля поглотила меня. Мои однокурсники плакали, обвиняли себя, что не уследили, что позволили мне отойти, а моя мать сидела на скамейке у полицейского участка, сжимая в руках мою старую шапку, и шептала: «Он жив. Он должен быть жив». Но я уже не был там, где меня могли найти.

Те немногие, кто вернулся от тёмного лекаря, теперь сами стали частью его мрачного царства, отдав свои души в обмен на здоровье. Они ходили по городу, улыбались прохожим, покупали хлеб в булочной, но в их глазах не было жизни, только холодный блеск, как у кукол с фарфоровыми лицами. Они выполняли свои обязанности, говорили правильные слова, но если присмотреться, можно было заметить, как их движения были чуть-чуть не такими, как у живых людей — слишком ровные, слишком точные, будто их кто-то завёл ключом. И никто не знал, сколько ещё несчастных душ попадёт в его сети, соблазнённых обещанием исцеления, сколько сердец будут биться только потому, что им приказали биться.

Но самое страшное заключалось в том, что люди, отдавшие свои души, не понимали, что потеряли нечто более ценное, чем здоровье. Они потеряли свою человечность, свою способность чувствовать, любить и сопереживать. Они стали

живыми мертвецами, ходящими среди живых, но лишёнными самого главного — души. Их смех не согревал, их объятия не утешали, а слова были пустыми, как эхо в пустой комнате. В городе стали замечать странных людей — они были здоровы, полны сил, но их глаза оставались пустыми, а души — мёртвыми. Они ходили среди живых, но были уже не от мира сего, и каждый раз, когда кто-то заболел, когда боль становилась невыносимой, когда надежда угасала, в их головах возникала мысль о загадочном лекаре. Они не помнили, как сами попали к нему, не помнили боли, которую он причинил, но помнили только одно — что он дал им жизнь, и теперь они должны были служить ему, приводить к нему новых жертв, заманивать их обещаниями, которые когда-то заманили их самих.

Однажды вечером моя мать шла домой после смены, усталая, с тяжёлыми сумками в руках, и вдруг увидела меня. Я стоял на углу улицы, в той самой куртке, которую она подарила мне на прошлый день рождения, и смотрел на неё своими пустыми глазами. «Мама», — сказал я, и голос мой звучал ровно, без эмоций, как голос диктора, читающего новости. Она бросилась ко мне, обняла, прижала к себе, плача и смеясь одновременно, но когда я обнял её в ответ, она почувствовала, что в моих руках нет тепла, что моё тело было холодным, как камень. «Ты жив, — шептала она, не веря своему счастью. — Ты жив». Я улыбнулся, и улыбка была моей, но в ней не было радости, только холодная вежли-

вость. «Я здоров, — ответил я. — Я больше не болею. Но мне нужно идти. Он ждёт». Она не поняла, о ком я говорю, но когда я повернулся и пошёл прочь, она крикнула мне вслед: «Куда ты? Останься! Ты мой сын!» Я остановился, обернулся, посмотрел на неё, и в тот момент в моих глазах мелькнуло что-то знакомое, что-то человеческое, но оно исчезло так быстро, что она подумала, будто ей показалось. «Прости, — сказал я тихо. — Я не могу. Мой долг требует оплаты». И я ушёл, растворился в сумерках, оставив её одну на пустой улице, с сумками, которые она так и не выпустила из рук.

С тех пор она каждую ночь выходила на тот угол, надеясь снова увидеть меня, надеясь, что я вернусь, что тот холодный блеск в моих глазах исчезнет, и я снова стану её сыном. Но я не возвращался. Вместо этого в городе появлялись новые люди с пустыми глазами, и каждый из них когда-то был кем-то любимым, кем-то нужным, кем-то, кто просто хотел жить.

А в заброшенной больнице на окраине леса существо продолжало ждать. Его котлы всё так же булькали, издавая звуки, похожие на шёпот тысяч голосов, а в воздухе витал сладковатый запах разложения, который уже стал частью леса, впитался в кору деревьев, в почву, в воду ручьёв. И каждый раз, когда кто-то стучал в его дверь, оно улыбалось, обнажая острые зубы, и говорило: «Я знал, что ты придёшь». Потому что в мире, где люди готовы продать свою душу за жизнь, всегда найдётся тот, кто готов эту душу купить. И пока есть боль, пока есть страх смерти, пока есть отчаяние, которое

затмевает разум, двери этой больницы будут открываться, впуская новых гостей, которые думают, что пришли за исцелением, а на самом деле пришли, чтобы стать частью вечного кошмара, который никто не сможет остановить.

Карусель судьбы

В жизни Романа всё складывалось как нельзя лучше. Молодой, подающий надежды технолог общественного питания, он совмещал учёбу с работой в престижном ресторане. Его руки, словно по волшебству, создавали кулинарные шедевры, а острый ум помогал быстро подниматься по карьерной лестнице. Но была в его жизни ещё одна страсть — рок-музыка и мотоциклы. Они давали ему то чувство свободы, которого так не хватало в повседневной рутине. Роман был добрым и отзывчивым человеком, всегда готовым прийти на помощь. Коллеги ценили его за профессионализм, друзья — за надёжность. Но несмотря на всё это, в его душе жила глубокая печаль — он так и не встретил ту самую, единственную. Девушки кружились вокруг него, восхищаясь его талантами и харизмой, но сердце Романа оставалось холодным. Каждое утро Роман просыпался с мыслью о том, что сегодня может стать особенным днём. Он представлял, как встретит свою судьбу, как закружатся их жизни в едином танце. Но дни шли, а встреча всё откладывалась. В его душе росла тоска, которую он пытался заглушить работой и увлечениями.

Трагедия случилась в тот вечер, когда Роман возвращался домой после тяжёлой смены. Осенний ветер развеивал его волосы, а в наушниках грохотал любимый рок. Он не заметил, как из-за поворота вылетела машина. Пьяный водитель

не справился с управлением, и мир вокруг Романа раскололся на тысячи осколков. Очнулся Роман в странном месте. Вокруг простиралось бескрайнее поле, усыпанные засохшей травой. На горизонте возвышался заброшенный десятиэтажный дом, словно призрак прошлого, который смотрел на него своими чёрными пустыми глазами. Рядом с ним стояла огромная старая карусель, покрытая ржавчиной, но всё ещё сохранившая следы былой красоты. Карусель была настолько сложной формы, что Рома, замороженный, не мог оторвать от неё глаз, рассматривая и изучая каждую деталь. В первый момент Роман подумал, что это галлюцинация. Но когда он увидел маленькую девочку, пытающуюся дотянуться до поручней карусели, понял — это место реально.

— Как тебя зовут? — спросил Рома. — Диана, — ответила она. — А тебя? — спросила Диана. — Меня Рома. — Приятно познакомиться, Рома, — ответила Диана. — Покатай меня, пожалуйста, на карусели?

Рома кружил Диану на карусели. Диана радостно кружилась, смеялась, веселилась, и им было весело вдвоём. Они закружились в танце, забыв обо всём на свете. Диана была такой искренней, такой чистой в своей детской наивности. Дни превращались в недели, недели в месяцы. Диана росла на глазах Романа, превращаясь из маленькой девочки в прекрасную девушку. Между ними возникла особая связь, которую невозможно описать словами. Они стали друг для друга всем — семьёй, друзьями, любимыми. Роман учил Диану

всему, что знал сам: готовить, разбираться в музыке, кататься на мотоцикле. Диана же учила его быть более открытым, искренним, верить в чудеса. Они проводили дни, гуляя по полю, наблюдая за закатами и рассветами, разговаривая обо всём на свете. Их любовь росла и крепла с каждым днём.

Но ничто не длится вечно. В один из дней Роман почувствовал, как его тело поднимается вверх. Он смотрел, как Диана отдаляется от него и становится всё меньше и меньше. Диана махала ему рукой в знак прощания, а на глазах у Дианы Рома заметил слёзы. Очнулся он в больнице. Врачи были поражены его выздоровлением. Роман постепенно возвращался к жизни, но его душа оставалась там, в том мире с каруселью. Он стал успешным шеф-поваром, его имя гремело по всему городу, но ни слава, ни богатство не могли заполнить пустоту в его сердце. Дни тянулись медленно, словно резина. Роман пытался жить дальше, но каждый день был наполнен болью и тоской по Диане. Он видел её во снах, чувствовал её присутствие в каждом дуновении ветра. Его душа рвалась обратно к ней, но тело было приковано к реальности.

Годы шли. Роман замкнулся в себе, отгородился от мира. Он работал, но делал это механически, без прежнего энтузиазма и страсти. Его кулинарные шедевры потеряли душу, стали просто едой, лишённой того волшебства, которое он вкладывал в них раньше. В его памяти постоянно всплывали моменты, проведённые с Дианой. Он вспоминал её смех, её

улыбку, её глаза, полные любви и нежности. Эти воспоминания были одновременно и благословением, и проклятием. Они давали ему силы жить дальше, но одновременно напоминали о том, что он потерял. И вот однажды, находясь в командировке, он увидел её — старую девятиэтажку и карусель. Они существовали не только в его снах. Роман подошёл ближе. Карусель была настоящей, но пустая, и всё ещё хранящая в себе отголоски их общей истории. Металл карусели был холодным на ощупь, словно память о прикосновениях Дианы давно остыла.

Роман долго стоял, не в силах отвести взгляд от этого места, ставшего для него символом потерянного счастья. Он вспоминал каждую деталь их встреч, каждое прикосновение, каждый взгляд Дианы. В его памяти оживали моменты, когда они вместе смеялись, мечтали и любили. Эти воспоминания были одновременно и благословением, и проклятием. Он присел на корточки рядом с каруселью, провёл рукой по ржавым перилам, словно пытаюсь уловить хоть малейший след её присутствия. В этот момент ему показалось, что он слышит тихий смех, доносящийся откуда-то издалека. Может быть, это была игра воображения, а может, душа Дианы действительно где-то рядом. Роман закрыл глаза, пытаюсь собрать воедино все свои чувства. Он понимал, что должен принять решение, которое изменит его жизнь навсегда. Но как можно жить дальше, когда сердце осталось там, в том загадочном месте, где время остановилось, а любовь стала

вечной?

Дни и ночи слились для Романа в одно бесконечное ожидание. Он приходил к карусели каждый день, надеясь на чудо, надеясь увидеть Диану хотя бы мельком. Он разговаривал с ней, рассказывал о своей жизни, о том, как скучает, как любит. Его голос эхом отражался от стен заброшенного дома, но ответа не было. В его душе разгорался внутренний конфликт. Часть его хотела жить дальше, найти своё место в этом мире, построить новую жизнь. Но другая часть, более сильная, более искренняя, продолжала цепляться за призрачную надежду воссоединения с Дианой. Роман начал замечать, что старые механизмы карусели иногда едва заметно двигаются, словно кто-то невидимый пытается привести их в движение. Может быть, это просто ветер, а может, это душа Дианы пытается подать ему знак.

Однажды ночью, когда луна освещала заброшенный двор своим холодным светом, Роман почувствовал странное покалывание в сердце. Он поднял голову и увидел, как карусель медленно начала вращаться. Сначала едва заметно, потом всё быстрее и быстрее. Роман застыл в изумлении. Он не мог поверить своим глазам. Карусель, которая казалась мёртвой столько лет, оживала прямо перед ним. Механизмы скрипели и стонали, но продолжали своё движение. В этот момент он понял, что должен сделать. Он должен вернуться туда, где его место, туда, где его сердце. Роман подошёл к карусели, положил руку на холодные перила и закрыл гла-

за. В его памяти проносились все моменты, проведённые с Дианой. Он вспоминал её улыбку, её смех, её глаза, полные любви и нежности. Эти воспоминания были его путеводной звездой, его компасом в мире, где реальность переплеталась с фантазией.

Когда карусель набрала максимальную скорость, Роман почувствовал, как его тело становится лёгким, почти невесомым. Он знал, что это его шанс вернуться к Диане, шанс обрести наконец покой. С последним вздохом он шагнул вперёд, навстречу своей судьбе, навстречу вечной любви. Карусель продолжала кружиться, унося его душу туда, где время остановилось, где любовь победила смерть. Но в тот миг, когда Роман уже ощутил, как реальность вокруг него рассыпается на мерцающие осколки, произошло нечто неожиданное. Вместо того чтобы оказаться рядом с Дианой, он вдруг почувствовал, что его тянет не вперёд, а вниз — словно невидимая сила схватила его за ноги и резко дёрнула обратно к земле. Его тело рухнуло на холодный бетон, и он резко распахнул глаза, тяжело дыша, будто только что вынырнул из ледяной воды.

Перед ним по-прежнему стояла карусель, но теперь она выглядела иначе. Ржавчина, покрывавшая её, будто потемнела, стала почти чёрной, словно впитала в себя какую-то зловещую энергию. Скрип механизмов не прекращался, но теперь в нём слышалось что-то чужое, нечеловеческое — будто внутри шестерёнок прятался чей-то сдавленный шё-

пот. Роман попытался подняться, но ноги его не слушались, будто налились свинцом. Он огляделся, и его взгляд зацепился за окно на пятом этаже заброшенного дома. В нём мелькнул тусклый свет — не электрический, а какой-то маслянистый, дрожащий, словно от пламени свечи. И в этом свете он разглядел силуэт. Это была не Диана. Фигура была выше, тоньше, и двигалась она неестественно плавно, будто скользила по воздуху, не касаясь пола.

Холод пробрал Романа до костей. Он хотел закричать, но голос застрял в горле. В тот же миг карусель резко замедлилась, а затем и вовсе остановилась, издав протяжный, скрежещущий звук, от которого у Романа заныли зубы. Тишина повисла над двором, густая и тяжёлая, как мокрый туман. И именно в этой тишине Роман услышал шаги. Они доносились не сверху, не из дома, а откуда-то снизу — из-под земли, будто кто-то огромный и тяжёлый пробирался к нему сквозь пустоты под фундаментом. Земля под ногами едва заметно дрогнула, и в трещинах асфальта начали проступать тонкие струйки тёмной жидкости, похожей на смолу.

Собрав остатки сил, Роман всё-таки поднялся. Его трясло, но страх придал ему решимости. Он не собирался становиться чьей-то добычей. Он попятился назад, стараясь не сводить глаз с дома, и вдруг заметил, что в траве, у самого основания карусели, лежит небольшой предмет. Наклонившись, он поднял его — это был старый ключ на потёртом кожаном шнурке. Металл был ледяным, а на бородке ключа

виднелись странные насечки, напоминающие руны. Не понимая, зачем, но повинувшись какому-то внутреннему импульсу, Роман сунул ключ в карман. В ту же секунду шаги под землёй стихли, а в окне дома снова мелькнул свет — на этот раз ближе, будто фигура спускалась вниз.

Роман бросился бежать. Он мчался по полю, не разбирая дороги, чувствуя, как колючие стебли сухой травы хлещут его по ногам, а холодный ветер обжигает лицо. За спиной он слышал, как снова начинает вращаться карусель — но теперь её движение было не плавным, а дёрганным, хаотичным, будто ею управляла не сила любви, а что-то иное, злое и голодное. Скрип смешивался с тихим, издевательским смехом, который, казалось, доносился отовсюду сразу. Роман не оглядывался — он знал, что если увидит то, что гонится за ним, то сойдёт с ума.

Добежав до окраины города, он рухнул на скамейку в каком-то незнакомом дворе, хватая ртом воздух. Его трясло так, что зубы стучали. Только теперь он заметил, что ключ в кармане нагрелся, будто его только что вытащили из огня. Роман вынул его и уставился на странные руны, пытаясь понять, что они означают. Внезапно его осенило: он вспомнил, что когда-то читал о подобных ключах в старых городских легендах — якобы они открывали двери между мирами, но платой за проход всегда становилась чья-то душа. И теперь он понял: карусель была не вратами к Диане, а ловушкой. Кто-то или что-то использовало образ Дианы, чтобы зама-

нить его обратно, чтобы навсегда запереть в этом странном, искажённом месте.

Решив не терять ни минуты, Роман отправился к единственному человеку, который мог хоть что-то знать об этих местах и легендах, — к старому краеведу, который жил на окраине города и собирал истории о заброшенных зданиях. Дом краеведа был маленьким, покосившимся, но внутри он напоминал музей: стены были увешаны фотографиями, на полках стояли пожелтевшие газеты и потрёпанные книги. Старик выслушал Романа, не перебивая, лишь изредка кивая седой головой. Когда Роман закончил, краевед медленно протянул руку и коснулся ключа. Его пальцы дрогнули, и он тихо произнёс: «Этот ключ не от двери. Он от замка, который держит границу между нашим миром и тем, что лежит по ту сторону. И если карусель снова начнёт вращаться, значит, граница истончается. А тот, кто ждёт по ту сторону, очень хочет войти сюда».

Роман почувствовал, как кровь стынет в жилах. «Но зачем ему я?» — прошептал он. Краевед посмотрел на него тяжёлым взглядом. «Не ты. Твоя боль. Твоя тоска. Она как маяк для тех, кто питается чужими страданиями. Они находят тех, кто не может отпустить прошлое, и используют их, чтобы прорваться в наш мир». Роман сжал кулаки. Он не хотел быть приманкой. Он хотел вернуть Диану — настоящую, живую, ту, которую он знал. Краевед вздохнул и достал из ящика старую карту города. «Есть способ разорвать связь.

Нужно вернуться к карусели, но не для того, чтобы войти, а чтобы сломать механизм. Разрушить врата. Но ты должен быть готов к тому, что образ Дианы попытается тебя остановить. Она будет умолять, кричать, даже угрожать. Это не она. Это маска, которую надевает та сила, что живёт в этом месте».

Вернувшись к заброшенному дому, Роман чувствовал, как страх сковывает его, но в груди разгоралось и другое чувство — яростное, упрямое желание вернуть себе свою жизнь. Карусель стояла неподвижно, но от неё веяло такой зловещей тишиной, что казалось, будто сама ночь затаила дыхание. Роман достал из рюкзака тяжёлый лом, который прихватил по дороге, и подошёл к основанию карусели. В тот момент, когда он занёс лом над первым болтом, из темноты раздался голос — голос Дианы. «Рома, не надо! — прозвучало совсем рядом, и Роман резко обернулся. Перед ним стояла Диана — та самая, какой он её запомнил: юная, с сияющими глазами, в лёгком платье, развевающимся на ветру. Но стоило Роману сделать шаг к ней, как её образ дрогнул, словно отражение в мутной воде, и на мгновение сквозь него проступила другая фигура — высокая, тёмная, с пустыми провалами вместо глаз.

«Это не ты», — прошептал Роман, сжимая лом так, что побелели костяшки пальцев. Диана снова улыбнулась, но улыбка вышла кривой, неестественной. «Ты ведь не хочешь меня потерять снова, правда? — проговорила она, и голос

её звучал уже не как у девушки, а как у кого-то старого, измученного, полного злобы. — Останься со мной. Мы будем кружиться вечно. Тебе не нужно возвращаться туда, где тебя никто не ждёт». Роман закрыл глаза, чтобы не видеть этого искажённого образа, и ударил ломом по механизму. Металл отозвался глухим лязгом, и на миг всё вокруг замерло. Затем карусель дёрнулась, будто раненое животное, и из её внутренностей вырвался поток ледяного воздуха, который ударил Романа в лицо, обжигая кожу.

Он бил снова и снова, не останавливаясь, пока металл не начал гнуться и ломаться, а зловещий скрип не превратился в жалобный стон. С каждым ударом образ Дианы становился всё более прозрачным, пока наконец не исчез совсем, оставив после себя лишь лёгкое мерцание, похожее на угасающую искру. Когда последний механизм развалился, карусель резко остановилась, и тишина, наступившая после этого, была такой полной, что Роман услышал собственное сердцебиение. Он опустился на колени, тяжело дыша, чувствуя, как напряжение покидает его тело. Краевед был прав: граница была разорвана. То, что жило по ту сторону, больше не могло использовать его боль как дверь в этот мир.

Но вместе с исчезновением угрозы ушла и последняя надежда увидеть Диану. Роман понял это с горькой ясностью: настоящей Дианы в том месте никогда не было. Была лишь иллюзия, созданная, чтобы заманить его в ловушку. И всё же, где-то в глубине души, он верил, что настоящая душа Ди-

аны, если она когда-либо существовала, наконец обрела покой. Он поднялся, отряхнул руки и посмотрел на разрушенную карусель. Теперь это был просто кусок ржавого металла, лишённый всякой магии. Роман повернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Город встречал его шумом машин, светом фонарей и запахом дождя — живым, настоящим, несовершенным, но своим.

В последующие месяцы Роман постепенно начал возвращаться к себе. Он снова стал готовить с душой, вкладывая в каждое блюдо не тоску, а благодарность за то, что остался жив. Он даже купил новый мотоцикл и иногда выезжал за город, чтобы просто почувствовать ветер и свободу. Однажды, проезжая мимо того места, он остановился, но не из тоски, а чтобы поставить на краю поля небольшой камень — простой, без надписей. Это был не памятник, а скорее знак того, что он прошёл через тьму и вышел на свет. И когда он уезжал, ему показалось, что в шелесте травы он снова услышал тихий смех — но на этот раз в нём не было ни угрозы, ни печали, а только лёгкое, едва уловимое благословение.

На рассвете карусель осталась стоять на своём месте, но теперь она была просто старой, сломанной конструкцией, которую скоро поглотит время. И каждый, кто проходил мимо, чувствовал не тоску, а странное облегчение, будто рядом с этим местом когда-то была побеждена великая тьма. Роман и Диана не кружились больше в бесконечном танце — потому что их история закончилась, уступив место новой, насто-

ящей жизни. Ведь наша жизнь — карусель, но мы сами решаем, когда сойти с неё, чтобы идти дальше своими ногами. И иногда самое смелое приключение — это вернуться к себе и научиться снова дышать полной грудью.

Фотограф

Всем привет, друзья! Хочу вам рассказать одну историю. Нет, нет, не подумайте, эта история произошла не со мной. Позвольте мне рассказать немного о себе — моё хобби? Хм... Как бы правильно выразиться? В общем, я занимаюсь поиском заброшенных сайтов, которым по 10–20 лет, и они давно никем не используются, и каким-то чудом ещё работают, хотя за ними уже никто не следит. Посещаемости там нет от слова совсем. Конечно, эти сайты могут быть заброшены по разным причинам. Но вы только представьте: когда-то на этих сайтах общались люди, когда-то они писали, что-то узнавали, спорили, а сейчас этих людей уже давно нет. Сколько лет-то прошло... И вот я — любитель таких сайтов: я их нахожу и изучаю историю, как жили люди, о чём говорили, о чём спорили или обсуждали. И вот один из моментов, который случился со мной.

Я обнаружил сайт, посвящённый фотографии, в котором общались фотографы с разных уголков земли: они делились советами и также выкладывали на общее обозрение фотографии для дальнейшего обсуждения на форумах. Помню, я ещё подумал: сайт фотографов, интересно, о чём общались фотографы 10 лет назад, а может, и все 20 лет назад? О какой технике, о каких фотоаппаратах? И вот когда я начал изучать этот пост, я наткнулся на одну очень интересную статейку —

вот сейчас я вам о ней и расскажу. Я вот даже и не знаю: выдумка это или правда, но пост такой, какой есть. А вы сами для себя решите, верить вам в этот рассказ или нет.

«Дорогие коллеги-фотографы! Я пишу это сообщение, понимая, что, возможно, оно станет моим последним обращением к сообществу. Но я должен рассказать свою историю, чтобы уберечь других от той участи, которая постигла меня. Меня зовут Андрей, и я никогда не думал, что моя жизнь примет такой жуткий оборот. Всё началось с невинного увлечения фотографией. Помню тот момент, когда я понял — это не просто хобби, это моё призвание. Каждый день я погружался в мир снимков, изучал работы мастеров, восхищаясь тем, как они способны поймать мгновение и запечатлеть душу человека. Часами я сидел в интернете, рассматривая чужие работы. Композиция, свет, настроение — всё это сводило меня с ума. Я мечтал достичь такого уровня мастерства, чтобы каждый мой кадр рассказывал историю, передавал истинные чувства и эмоции. В моём воображении постоянно крутились мысли о совершенном кадре, о том, как поймать ту самую долю секунды, когда мгновение застывает навсегда.

Я был подписан на множество профессиональных сообществ, где мог бесконечно анализировать работы других фотографов, их технику и подход к искусству. Фотография стала для меня не просто увлечением, а настоящим смыслом жизни. Я чувствовал, что нашёл своё призвание, что наконеч-

ц-то стал тем фотографом, о котором мечтал. Тот осенний вечер навсегда изменил мою жизнь. Я бродил по улицам, погружённый в мысли о фотографии. Ноги сами привели меня на старое кладбище. Вековые деревья создавали мистическую атмосферу, а закат окрашивал небо в нежные розовые тона. Среди могил я заметил одну особенную. Она словно светилась, маня меня к себе. На фотографии был изображён мужчина средних лет с фотоаппаратом в руках. Что-то в его лице показалось мне до боли знакомым. Рядом с могилой я нашёл фотоаппарат, завёрнутый в прозрачную плёнку. Он был старым, но прекрасно сохранившимся. Я не мог поверить своим глазам — техника работала безупречно. Первые снимки, сделанные на эту камеру, поразили меня до глубины души. Качество изображения было невероятным, но главное — удивительная способность передавать настроение моделей. Каждый снимок оживал, рассказывая свою историю.

Заказы посыпались как из рога изобилия. Свадьбы, корпоративы, индивидуальные фотосессии — работы было столько, что образовалась внушительная очередь. Издательства предлагали сотрудничество, обещая хорошие гонорары и известность, но я отказывался, предпочитая оставаться независимым. С каждым новым снимком качество фотографий становилось всё лучше, цвета — насыщеннее, эмоции — ярче. Мои работы начали выставлять на городских выставках, обо мне писали в местных газетах. Но радость успеха начала омрачаться странными совпадениями. Люди,

которых я фотографировал, начинали погибать при загадочных обстоятельствах. Сначала я списывал всё на совпадения, но когда количество таких случаев перевалило за десяток, я начал серьёзно беспокоиться.

Расследование привело меня к информации о покойном фотографе, чьё имя было высечено на надгробии. Изучая его биографию, я узнал трагическую историю о самоубийстве при загадочных обстоятельствах. На старых фотографиях он держал тот самый аппарат, который теперь находился в моих руках. Я чувствовал, как проклятие этого фотоаппарата проникает в мою душу. Оно словно яд, медленно разъедающий мою сущность. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу вспышки — те самые вспышки, которые запечатлели последние мгновения жизни моих моделей. Иногда я слышу шёпот. Тихий, едва уловимый шёпот, доносящийся из-за грани реальности. Он зовёт меня, манит вернуться туда, где всё началось. Я знаю, что это голос того самого фотографа, чьё имя высечено на надгробии.

В последние дни меня преследуют видения. Я вижу, как тени умерших моделей тянутся ко мне сквозь фотографии, их призрачные руки оставляют холодные следы на стёклах моих окон. Каждую ночь я просыпаюсь от собственного крика — мне снится, как вспышка фотоаппарата выхватывает из темноты искажённые ужасом лица тех, кому осталось жить считанные дни. Я пытаюсь бороться с наваждением. Запираюсь в тёмной комнате, уничтожаю все свои снимки, но про-

клятый фотоаппарат продолжает жить своей жизнью. Я замечаю, что каждый раз, когда я закрываю глаза, вижу не просто вспышки — я вижу целые истории гибели людей, которых снимал. Их последние мгновения, их боль и страх отпечатываются в моём сознании навсегда.

Однажды ночью я проснулся от странного ощущения — будто кто-то наблюдает за мной. В темноте комнаты я различаю силуэт человека, стоящего у окна. Это был тот самый фотограф с кладбища, мой предшественник. Его глаза светятся неестественным голубоватым светом, а в руках он держит тот самый фотоаппарат. «Ты не можешь убежать от судьбы», — шепчет призрак, и его голос разносится по всей комнате. «Этот аппарат — часть меня, часть тебя. Мы связаны навеки». Я пытался закричать, но голос застревает в горле. Я чувствую, как холод проникает в моё тело, как душа начинает отделяться от плоти. Призрак поднимает фотоаппарат, и в комнате вспыхивает яркая вспышка.

Одержимый идеей остановить череду смертей, я решился на отчаянный шаг — сфотографировал самого себя. В тот момент я чувствовал, как время замедляется, как каждый миг растягивается в вечность. Я направил объектив на своё лицо, и в этот момент вспышка озарила комнату. Когда я увидел снимок, то едва смог сдержать крик. На фотографии было запечатлено моё искажённое ужасом лицо, а за моей спиной виднелось размытое изображение того самого призрака с кладбища. Я понял — это конец. Дни превратились в

бесконечную череду кошмаров. Я чувствовал, как силы покидают меня, как душа постепенно отделяется от тела. Каждый раз, когда я закрывал глаза, видел вспышки — те самые вспышки, которые запечатлели последние мгновения жизни моих моделей. Они словно насмеялись надо мной, напоминая о том, что я не смог разорвать эту проклятую цепь.

Но я не собирался сдаваться без боя. В какой-то момент во мне проснулась отчаянная решимость. Я решил проследить всю цепочку владельцев этого фотоаппарата. Это стало моим новым, почти безумным приключением: я рылся в архивах, обходил старые фотомагазины, разговаривал с людьми, которые могли хоть что-то знать о фотографe с кладбища. Один пожилой коллекционер, живший на окраине города, рассказал мне, что аппарат изначально принадлежал странному мастеру, который в начале прошлого века снимал портреты в заброшенной усадьбе за городом. По словам старика, этот мастер был одержим идеей запечатлеть саму смерть, поймать её в объектив, будто надеялся обмануть её и обрести бессмертие. Говорили, что он исчез при странных обстоятельствах, а его студия сгорела дотла, но фотоаппарат каким-то образом уцелел и продолжал переходить из рук в руки, оставляя за собой шлейф трагедий.

Эта история заставила меня действовать быстрее. Я отправился в пригород, где, по рассказам, стояла та самая усадьба. Дорога была долгой и изматывающей: автобус до конечной остановки, потом пешком по заросшей тропе, где

ветки хлестали по лицу, а под ногами хрустели сухие сучья. С каждым шагом воздух становился тяжелее, будто сам лес сопротивлялся моему приближению. Наконец, среди густых зарослей я увидел остатки здания — полуразрушенные стены, прогнившие балки и пустые оконные проёмы, похожие на чёрные глазницы. Внутри пахло сыростью и пылью, а на полу валялись осколки старых стеклянных пластин, на которых когда-то проявляли снимки. В углу я нашёл остатки фотооборудования и несколько пожелтевших бумаг. Среди них был дневник мастера — потрепанный, едва читаемый, но в нём я нашёл подтверждение всем самым страшным догадкам. Он действительно верил, что сможет обмануть смерть, и для этого приносил жертвы, заставляя людей позировать в моменты крайнего страха, чтобы запечатлеть переход между жизнью и смертью. Каждая такая фотография, по его записям, становилась якорем, удерживающим его душу в этом мире, но взамен он отдавал чужие жизни.

Потрясённый, я собрал бумаги и уже собирался уходить, когда услышал за спиной тихий щелчок затвора. Резко обернувшись, я не увидел никого, но по спине пробежал ледяной холод. В ту же секунду вспышка озарила полуразрушенную комнату, и на мгновение мне показалось, что в проёме двери мелькнул силуэт — тот самый фотограф, который преследовал меня в кошмарах. Я бросился прочь, спотыкаясь о корни и не разбирая дороги, пока не выбежал на открытое поле. Только там, под холодным светом луны, я смог перевести

дух. Но я знал: это не конец. Проклятие было слишком сильным, чтобы его можно было разорвать простым бегством.

Вернувшись в город, я попытался найти способ уничтожить фотоаппарат. Я консультировался с эзотериками, историками, даже с физиками — вдруг в этой камере есть что-то, что можно нейтрализовать с помощью науки. Один старый антиквар, к которому я обратился, мрачно покачал головой и сказал, что такие вещи не уничтожаются обычными способами. Он рассказал, что подобные артефакты живут за счёт энергии страха и смерти, и единственный способ разорвать цепь — вернуть предмет туда, где он обрёл свою силу, и провести ритуал, который запечатает его навсегда. Для этого нужно было вернуться на кладбище в ночь полнолуния и оставить фотоаппарат на могиле вместе с фотографией, на которой запечатлён момент перехода.

Ночь полнолуния наступила быстрее, чем я ожидал. Город погрузился в тишину, и даже ветер, казалось, замер в ожидании чего-то неизбежного. Я шёл по кладбищу, сжимая в руках фотоаппарат и ту самую фотографию, на которой был запечатлён я сам и призрак за моей спиной. Каждый шаг давался с трудом, будто сама земля сопротивлялась моему намерению. Когда я добрался до нужной могилы, воздух стал густым и тяжёлым, а вокруг начали сгущаться тени. Я положил фотоаппарат на надгробие и достал фотографию. В этот момент я почувствовал, как вокруг меня смыкается кольцо холода, а из темноты начали появляться фигуры — призрач-

ные силуэты тех, кого я когда-либо фотографировал. Их лица были искажены страданием, а глаза горели тусклым светом. Они тянули ко мне свои полупрозрачные руки, словно хотели утянуть меня за собой в ту бездну, из которой не возвращаются.

Собрав всю оставшуюся волю, я произнёс слова ритуала, которые мне дал антиквар. Голос дрожал, но я не останавливался, повторяя фразу за фразой, пока вокруг не поднялся вихрь из пыли и сухих листьев. Тени начали отступать, их крики становились всё тише, а свет в их глазах постепенно угасал. В центре этого вихря вспыхнул ослепительный свет, и на мгновение я увидел лицо того самого фотографа — не злое, не торжествующее, а скорее усталое и печальное. Он кивнул мне, будто признавая моё право на свободу, и растворился в свете вместе с остальными призраками. Вихрь стих, и наступила тишина. Фотоаппарат на надгробии потемнел, будто из него выкачали всю энергию, а фотография в моих руках рассыпалась в серый пепел.

Я стоял, тяжело дыша, и чувствовал, как с моих плеч свалилась огромная тяжесть. Проклятие было снято. Но цена этого освобождения оказалась непомерно высокой. Я знал, что никогда не смогу забыть те лица, те крики и тот холод, который проникал в самую глубину души. Теперь я могу лишь наблюдать за миром с той стороны, надеясь, что моя история станет предостережением для других.

И пусть эта история послужит предупреждением: не всё

то, что кажется даром, действительно является таковым. Иногда лучше пройти мимо даже самой заманчивой находки, чем стать частью древнего проклятия, которому нет конца. Я вижу, как время течёт дальше, как сменяются сезоны, как приходят и уходят люди. Но каждый раз, когда кто-то приближается к той могиле на старом кладбище, моё сердце замирает. Я молюсь, чтобы они прошли мимо, чтобы не прикоснулись к проклятой камере, чтобы не стали следующей жертвой древней силы, заключённой в старом фотоаппарате.

Такова моя история. История о том, как простое увлечение фотографией превратилось в проклятие, о том, как жажда совершенства привела к гибели, и о том, как важно иногда остановиться и прислушаться к внутреннему голосу, который шепчет: «Остановись, пока не поздно». Не трогайте проклятый фотоаппарат. Не берите его в руки. Не пытайтесь разгадать его тайны. Уходите, пока ещё можете. Уходите, пока смерть не позвала вас по имени.

А теперь, когда я дочитал это послание до конца, я отложил ноутбук и посмотрел в окно. За стеклом моросил мелкий дождь, размывая огни города в разноцветные пятна. В комнате было тихо, только тиканье старых часов напоминало о том, что время не стоит на месте. Я потянулся к стопке распечатанных скриншотов — тех самых фотографий, которые были прикреплены к посту Андрея. Они были чёрно-белыми, зернистыми, но в них чувствовалось что-то неправильное, будто реальность на этих снимках была слегка сдвинута,

как плохо наложенная плёнка. На одном из кадров я увидел ту самую могилу, окружённую густыми тенями. На другом — тёмный силуэт фотографа, едва различимый на фоне полуразрушенной усадьбы. А на третьем... на третьем был я сам, стоящий у окна, с выражением ужаса на лице, которого я никогда не испытывал в реальной жизни.

Рука дрогнула, и распечатки выскользнули из пальцев, рассыпавшись по полу. В груди что-то сжалось, а по спине пробежал знакомый ледяной холод. Я резко обернулся к столу, где лежал мой собственный фотоаппарат — обычный цифровой аппарат, с которым я ездил на прогулки по заброшенным местам. Объектив был направлен прямо на меня. И в нём, в глубине стекла, мелькнуло едва заметное голубоватое свечение.

В ту же секунду я услышал тихий, едва уловимый щелчок затвора — и комнату озарила короткая, ослепительная вспышка.

Настенька

Я до сих пор не могу понять, как всё это началось — не с того звонка из агентства, не с дороги в плацкарте, а с чего-то куда более тихого, почти незаметного. С ощущения, будто за мной кто-то следит ещё до того, как я вообще узнал про наследство. В те дни, когда я жил в своей съёмной комнате, мне часто казалось, что тени в углу шевелятся, если долго на них смотреть. Я списывал это на усталость, на тусклый свет лампы, на то, что жизнь выжимала из меня все соки. Но теперь, оглядываясь назад, я думаю: может быть, это был первый шёпот той самой тьмы, что ждала меня в «Весёлых горках».

Дорога до деревни и правда заняла почти неделю. Плацкартный вагон качался, как лодка на беспокойной воде, и я всё время прислушивался к стуку колёс — словно они выстукивали какой-то странный ритм, будто пытались мне что-то сказать. По ночам, когда соседи по купе засыпали, я выходил в тамбур, чтобы глотнуть холодного воздуха, и там, среди лязга стыков и скрипа металла, мне чудилось, что кто-то стоит за моей спиной. Я оборачивался — и видел только тёмный коридор, уходящий в никуда. Тогда я смеялся над собой, думал, что просто слишком долго не видел ничего, кроме четырёх стен.

Когда я наконец добрался до «Весёлых горок», деревня

встретила меня не просто чистотой и уютом — она встретила меня тишиной. Той особенной тишиной, которая бывает только в местах, где люди стараются не шуметь, будто боятся разбудить что-то, что лучше оставить спящим. Ровные улицы, ухоженные газоны, аккуратные домики — всё это выглядело так, словно было нарисовано кистью художника, который слишком старательно выводил каждую деталь. И в этой идеальной картине было что-то неправильное, что-то, от чего по спине бежали мурашки.

Местные жители действительно были странными. Они улыбались, здоровались, предлагали помощь, но в их глазах я видел настороженность, будто они оценивали, насколько я опасен. И ещё — они никогда не выходили на улицу после девяти вечера. Сначала я думал, что это просто деревенская привычка, что люди рано ложатся спать. Но потом я заметил, что ровно в восемь пятьдесят пять улицы пустели. Двери закрывались, окна занавешивались, и деревня словно вымирала. Однажды я задержался в магазине до девяти десяти и, выйдя на улицу, почувствовал на себе десятки взглядов из-за занавесок. Это было не любопытство — это был страх.

Мой дом оказался настоящим сокровищем, как я и думал сначала. Старинный, крепкий, с красивой винтажной мебелью, он будто хранил в себе дыхание прошлого. Но стоило мне остаться в нём одному, как это дыхание становилось тяжёлым, давящим. По ночам я слышал странные звуки: скрип половиц там, где никто не ходил, тихий шёпот в пустых ком-

натах, будто кто-то переговаривался в темноте. Я включал свет — и ничего не находил. Только тени, которые никак не хотели ложиться правильно.

Работа в колхозе поначалу отвлекала. Физический труд, свежий воздух, простые разговоры с людьми — всё это помогало не думать о том, что творится в доме. Но пустота внутри никуда не девалась. Она просто пряталась днём, чтобы вернуться ночью, когда я оставался один на один с тишиной и тенями.

Всё изменилось в тот день, когда я увидел в лесу древний каменный колодец. Он стоял на опушке, словно вырос из самой земли, и выглядел так, будто простоял здесь века. Камни были плотно подогнаны друг к другу, без единой щели, и на некоторых из них виднелись странные символы — то ли древние письмена, то ли просто причудливые узоры, выточенные ветром и дождём. Я подошёл ближе, чувствуя, как воздух вокруг становится холоднее. И когда я заглянул внутрь, увидев отблески неба в кристально чистой воде, что-то внутри меня дрогнуло.

Именно тогда я и услышал этот голос. Тихий, едва уловимый, он был похож на шум ветра, но в нём слышались слова. «Помоги...» — казалось, шептала сама вода. Я опешил, не понимая, что происходит. «Кто здесь?» — крикнул я, и мой голос эхом разлетелся по лесу, вернувшись ко мне искажённым, чужим. Решив, что кто-то застрял в колодце, я достал из рюкзака верёвку и крикнул: «Хватайся за верёвку! Я те-

бя вытащу!» Но ответа не последовало. Только вода вдруг забурлила, словно в неё бросили камень, хотя никто ничего не бросал.

И тогда из колодца появилась она — Настенька. Её появление было не похоже на обычное: она не вылезала, не поднималась по верёвке — она просто возникла, будто соткалась из тумана и лунного света. Красивая, молодая, с длинными русыми волосами и пронзительно-голубыми глазами, в которых отражалась целая вселенная боли. Она рассказала мне свою историю, и с каждым её словом я чувствовал, как холод проникает под кожу. Её голос был тихим, но каждое слово било, как молот.

Мы стали друзьями, если это слово вообще подходит к отношениям живого человека и призрака. Каждую ночь я приходил к колодцу, принося Настеньке полевые цветы, которые собирал по дороге. Она рассказывала мне о своей жизни, о семье, о том, как верила в добро, пока оно не разбилось о жестокость барина. Я слушал, затаив дыхание, и с каждой историей всё больше привязывался к ней. Она стала для меня не просто призраком — она стала моим единственным собеседником, моим окном в мир, где чувства ещё имели значение.

Настенька показала мне место, где были спрятаны её останки. Это была небольшая поляна в глубине леса, скрытая от посторонних глаз густыми зарослями. Там, под старым дубом, я устроил небольшую могилу, украсив её цветами. Каждый день я приносил туда что-то новое: веточку ря-

бины, перо птицы, камешек необычной формы — всё, что казалось мне достойным памяти этой несчастной девушки.

Постепенно я начал замечать, что моя жизнь меняется не только внешне, но и внутренне. Я стал хуже спать, видеть странные сны, в которых я сам падал в колодец, а вода поднималась всё выше, смыкая надо мной свои холодные объятия. Днём я пытался держаться, работать, разговаривать с людьми, но всё чаще ловил себя на том, что прислушиваюсь к шёпоту ветра, пытаюсь различить в нём голос Настеньки.

Местные жители начали сторониться меня. Сначала это были просто косые взгляды, потом — шёпот за спиной, а затем и открытые предупреждения. Старуха Марфа, которая раньше всегда угощала меня пирогами, однажды схватила меня за рукав и прошептала: «Уходи отсюда, пока не поздно. Этот колодец не прощает тех, кто слишком близко подходит к его тайнам». Я лишь улыбнулся и сказал, что всё в порядке. Но в её глазах я увидел настоящий ужас.

Однажды, бродя по лесу в поисках редких цветов для Настеньки, я наткнулся на старую заброшенную часовню. Она стояла в самой чаще, наполовину скрытая плющом и мхом, и выглядела так, будто её нарочно прятали от чужих глаз. Дверь была заперта на тяжёлый ржавый замок, но окно сбоку оказалось разбито. Заглянув внутрь, я увидел на полу странные круги, выложенные из камней, и надписи на стенах — на языке, которого я не знал. Что-то внутри подсказывало мне, что сюда лучше не лезть, но любопытство оказалось сильнее.

Я вернулся домой с тяжёлым сердцем, и той же ночью мне приснился сон. В нём я снова был у колодца, но на этот раз вода была чёрной, как смола, и из неё тянулись ко мне полупрозрачные руки. Настенька стояла рядом, но её лицо было искажено страданием, а губы беззвучно шевелились, будто она пыталась что-то сказать, но не могла. Я проснулся в холодном поту, дрожа всем телом, и долго сидел на кровати, прислушиваясь к тишине.

Вскоре в деревню приехал незнакомец. Высокий мужчина средних лет с надменным выражением лица и лёгкой сединой на висках. Он остановился в единственной местной гостинице и сразу начал задавать вопросы обо мне. Его интересовало всё: где я бываю, с кем разговариваю, как часто хожу к колодцу. Местные жители, казалось, знали его или, по крайней мере, знали о нём. Они опускали глаза, когда он проходил мимо, и старались держаться подальше.

Однажды вечером я заметил его в лесу. Он прятался за густыми кронами деревьев, наблюдая за мной. Его поза была напряжённой, взгляд — холодным и расчётливым. В тот момент я понял: это он. Тот самый барин, погубивший Настеньку. Время оставило свой след на его лице, но глаза остались прежними — холодными, безжалостными, полными презрения к чужой боли.

Дни превратились в мучительное ожидание. Я чувствовал, как страх сжимает сердце, словно ледяная рука. Барин не просто наблюдал — он готовился к чему-то. Его присут-

ствие висело в воздухе, как грозовая туча, обещающая бурю.

В ту роковую ночь небо затянуло тучами, скрыв луну. Я, как обычно, сидел у колодца, прислушиваясь к каждому шороху. Ветер доносил до меня запах опавших листьев, где-то вдалеке ухал филин, а где-то совсем рядом хрустнула ветка. Сердце забилося чаще. Я знал, кто идёт.

Барин появился из темноты, его силуэт вырисовывался на фоне редких огней деревни. «Так вот чем занимается наш новый сосед, — его голос звучал насмешливо. — Разговаривает с колодцем». Я не ответил. Просто смотрел на него, пытаюсь унять дрожь, которая начинала сотрясать всё тело. «Думаешь, она вернётся? — продолжал он. — Думаешь, мёртвые могут говорить?»

В этот момент я услышал тихий голос Настеньки: «Беги...» Но я не мог пошевелиться. Страх парализовал меня, пригвоздив к земле. Барин медленно достал из кармана нож, лезвие тускло блеснуло в слабом свете звёзд. «Ты слишком много знаешь, — прошептал он. — И слишком много болтаешь».

Внезапно земля под моими ногами задрожала. Колодец начал светиться призрачным голубым светом, который становился всё ярче, заливая лес холодным сиянием. Из его глубины донёсся тихий стон, перерастающий в крик, от которого кровь стыла в жилах. Барин отшатнулся, его лицо исказилось от ужаса. Он увидел то, чего не видел я, — силуэт Настеньки, поднимающийся из колодца. Её прозрачные руки

тянулись к нему, а глаза горели неземным огнём, в котором пылала вся боль и обида, накопленные за годы забвения.

«Ты... ты...» — только и смог выдавить он, прежде чем раствориться в воздухе, словно его никогда и не было. Свет погас так же внезапно, как и появился. Колодец снова стал обычным — просто старым каменным колодцем, в котором отражалось ночное небо. Но я знал: справедливость восторжествовала.

С тех пор я больше не слышал голоса Настеньки. Она выполнила свою миссию и обрела покой. А я... я остался жить в деревне, но уже иначе. Постепенно деревня перестала казаться мне странной. Местные жители, видя, как я изменился, начали принимать меня. Они заметили, что я стал спокойнее, увереннее в себе, что во мне больше не было той одержимости, которая пугала их раньше.

На месте, где я когда-то устроил могилу Настеньки, теперь стоял небольшой памятник. Я ухаживал за ним, принося полевые цветы и рассказывая проходящим мимо детям истории о справедливости и чести. Её память жила в моём сердце, но теперь это была светлая память, не омрачённая болью и тоской.

Каждое утро я просыпался с чувством умиротворения. Работа в колхозе приносила удовлетворение, а вечера я проводил за написанием своих воспоминаний. Иногда, глядя на памятник Настеньке, я улыбался, вспоминая наши ночные беседы. Теперь я знал, что её душа обрела покой, а её исто-

рия стала напоминанием о том, что правда всегда находит путь к свету.

Осень сменяла лето, зима приходила на смену осени, но в моей душе царило спокойствие. Я понял, что иногда нужно пройти через тьму, чтобы увидеть свет. И хотя память о Настеньке навсегда осталась в моём сердце, я жил дальше, зная, что её дух теперь свободен.

Но были моменты, когда тень прошлого всё же касалась меня. Однажды, разбирая старые вещи в доме, я нашёл в тайнике под половицей пожелтевший дневник. Записи были сделаны неровным почерком, и в них говорилось о ритуалах, связанных с колодцем, о том, как барин и его род веками использовали силу этого места, чтобы продлевать свою жизнь и власть. В дневнике упоминалось, что колодец был не просто источником воды — он был вратами, и те, кто слишком долго общался с его обитателями, сами становились частью этой тьмы.

Эта находка заставила меня по-новому взглянуть на всё, что произошло. Я понял, что Настенька спасла меня не только от барина, но и от судьбы, которая ждала меня, если бы я продолжал всё глубже погружаться в её мир. Её жертва была не только актом мести — она была актом спасения.

Деревня «Весёлые горки» постепенно оживала. Местные жители, которые раньше сторонились меня, теперь стали близкими друзьями. Они рассказывали мне истории своих предков, делились секретами и поверьями, передаваемыми

из поколения в поколение. Я узнал, что древний колодец, ставший свидетелем трагедии Настеньки, имел особое значение для деревни. По старинным преданиям, он был построен ещё во времена язычников и считался священным местом. Говорили, что в полнолуние здесь можно увидеть призрачные огни, а в определённые дни года вода в колодце приобретает целебные свойства.

Постепенно я начал изучать историю деревни, погружаясь в её прошлое. В старом доме я нашёл множество старинных книг и документов, которые помогли мне составить полную картину того, что произошло с Настенькой. Оказалось, что барин, погубивший девушку, был не просто жестоким человеком — он принадлежал к роду, который веками терроризировал местных жителей, используя тёмные ритуалы и силу колодца для своих целей.

На месте, где раньше стояла небольшая могила Настеньки, теперь раскинулся красивый сквер. В центре его возвышался памятник — изящная девушка с распущенными волосами, устремлённая в небо. Местные жители часто приходили сюда, чтобы почтить память несчастной девушки и попросить у неё защиты.

Я нашёл свою любовь — простую деревенскую девушку, которая приняла меня со всеми моими историями и воспоминаниями. Она понимала, что память о Настеньке навсегда останется в моём сердце, но не ревновала к прошлому, а помогала мне жить настоящим. Её тепло и забота стали для ме-

ня тем самым светом, который окончательно разогнал тьму.

Иногда, проходя мимо древнего колодца, я останавливаюсь и прислушиваюсь. Мне кажется, что я всё ещё слышу тихий шёпот ветра, рассказывающего древние легенды. И хотя я знаю, что это всего лишь игра воображения, в глубине души я верю, что душа Настеньки действительно обрела покой, а её история помогла изменить жизнь многих людей к лучшему.

И пусть моя история может показаться сказкой, но я знаю — в ней больше правды, чем вымысла. Ведь иногда реальность оказывается куда удивительнее любых фантазий, а сила человеческого духа способна изменить не только судьбу одного человека, но и целого поселения. Теперь, сидя у окна своего дома, я часто думаю о том, как изменилась моя жизнь. От безысходности и одиночества до понимания истинных ценностей и обретения душевного покоя. И я благодарен судьбе за этот путь, за все испытания, которые сделали меня тем, кто я есть сейчас.

Коллекционер

Я шёл по рядам блошиного рынка, привычно скользя взглядом по кучам старого хлама, выискивая в нём ту самую искру, за которую потом можно выручить целое состояние. Алексей — я. Мне нравилось это чувство, когда из груды никому не нужной рухляди ты вытаскиваешь вещь, которая вдруг начинает шептать тебе свою историю. Бусы, часы, монеты, потёртые шкатулки — всё это было моими трофеями, моими маленькими победами в бесконечной игре на повышение ставок. Я обожал торговаться, чувствовать, как продавец понемногу сдаёт позиции, как его уверенность тает под моим напором. Я мог найти изъясн даже там, где его не было, и превратить обычную безделушку в сокровище или, наоборот, в никчёмную побрякушку — всё зависело от того, что мне было выгоднее. У меня был сайт, где каждый лот уходил с молотка за баснословные деньги. Люди верили мне, потому что я умел подать товар так, что от него невозможно было отказаться.

В тот день рынок казался каким-то особенно унылым. Вещи лежали под серым небом, словно смилившись со своей участью быть забытыми. Я уже собирался уходить, когда запнулся о кусок арматуры, торчавший из земли, и рухнул, сильно ударившись головой. В глазах потемнело, а когда я пришёл в себя, то услышал странный звон — будто кто-то

встряхнул связку старых колокольчиков. Ветер раскачивал их, и они звенели вразнобой, создавая жутковатую мелодию, от которой по спине бежали мурашки.

Передо мной стоял старик. Его прилавок был завален кольцами, бусами, странными камнями, которые тускло поблескивали в полумраке. Что-то в нём было не так — не просто возраст, а какая-то древняя, почти нечеловеческая усталость, будто он прожил не одну сотню лет. Я подошёл ближе, привычно прищурившись, чтобы разглядеть, нет ли среди его товара чего-то стоящего. Но прежде чем я успел что-либо сказать, старик поднял на меня глаза и произнёс: «Можешь не тратить своё время, тут нет для тебя ничего».

Его слова разозлили меня. Как он смеет так со мной разговаривать? Я уже открыл рот, чтобы выдать ему пару колких фраз, но он лишь усмехнулся и сказал: «Брось ты, яд на меня изливать. Ты же коллекционер, верно? С первого взгляда вижу». Его уверенность сбила меня с толку. «Знаешь, есть у меня для тебя кое-что, — продолжил он. — Семейная реликвия, очень редкая и ценная. Я готов отдать её тебе бесплатно».

«Бесплатно?» — не поверил я. Это было настолько несвойственно моей реальности, где каждая копейка имела значение, что я даже рассмеялся. «Ну показывай, что там у тебя», — буркнул я, всё ещё не доверяя. Но старик лишь покачал головой: «Не всё так просто. Вещь, которую я хочу тебе подарить, находится не тут. Она на старом кладбище в

тысяче километров отсюда».

Я расхохотался. «Ты серьёзно? Думаешь, я поеду тысячу километров, чтобы что-то выкопать на кладбище?» Старик не улыбнулся. Его взгляд стал тяжёлым, почти свинцовым. «А куда ты денешься? Я-то вижу, у тебя душонка-то пропащая, лишь бы обдурить кого да себе выгоду хапнуть. Или я не прав?» Я промолчал, потому что не нашёл, что ответить. Его слова попали в цель, ударив по самому больному. «Деревня Новый Путь, — проговорил он, словно вбивая гвозди в доску. — Как приедешь, иди на кладбище. Посреди будет стоять склеп, за ним — белый безымянный крест. Вот за ним копай. А теперь пошёл вон, чтобы я больше тебя здесь не видел».

В этот момент мир вокруг меня поплыл, краски смешались, и я провалился в темноту. Очнулся я в больничной палате, с раскалывающейся от боли головой. «Где я?» — выкрикнул я, хватаясь за виски. «Вы в больнице, Алексей Николаевич, — спокойно ответил врач. — У вас сильный ушиб головы, вы потеряли сознание. Но сейчас всё хорошо, все показатели в норме, мы можем вас выписать».

Выйдя из больницы, я пытался убедить себя, что всё это был просто бред, вызванный ударом. Но этот сон, если это был сон, не хотел уходить. Слова старика звучали в голове, как заевшая пластинка. «Деревня Новый Путь... кладбище... белый крест...» Я достал карту и, сам не зная зачем, начал искать эту деревню. И к своему ужасу обнаружил, что

она действительно существует и находится ровно в тысяче километров от моего города.

Это не могло быть совпадением. Или могло? Я метался между здравым смыслом и любопытством. С одной стороны, это была полная бессмыслица, пустая трата времени и денег. С другой — меня грызло желание узнать правду, проверить, не скрывается ли за этой нелепой историей что-то настоящее. В конце концов, я заказал билеты на поезд. «Прокачусь просто так, — утешал я себя. — Если ничего не найду, всё равно отпуска давно не было, так хоть на поезде покатаюсь».

Дорога тянулась бесконечно. Я смотрел в окно на бескрайние поля, на бесконечные ряды сосен, на серые облака, нависшие над землёй. Вечер постепенно опускался на мир, и пошёл дождь. Капли стекали по стеклу, размывая пейзаж, превращая его в акварельную картину. И вдруг я увидел белый дом с облупившейся вывеской: «Новый Путь». Поезд замедлил ход, и я понял, что приехал.

Деревня встретила меня холодом и дождём. Улицы были пусты, дома казались заброшенными, будто люди покинули их много лет назад. Я попытался укрыться в здании железнодорожного вокзала, но оно было закрыто, окна заколочены досками. Выругавшись, я спрятался за крыльцом, достал карту и под светом тусклой жёлтой лампочки разглядел схему деревни. Кладбище было отмечено маленьким крестиком на окраине.

Путь до кладбища оказался тяжелее, чем я думал. Дороги

размыло дождём, и ноги скользили по грязи. Деревья, склонившиеся над тропой, напоминали когтистые руки, готовые схватить меня и утащить в темноту. Когда я наконец добрался до ворот кладбища, меня охватил леденящий холод, который пробирался под одежду и сковывал движения.

Кладбище было старым, многие надгробия покосились, другие и вовсе ушли в землю, став частью почвы. Я шёл между могил, чувствуя, как воздух становится гуще, словно я пробирался сквозь вязкий сироп. Фонарик выхватывал из темноты очертания надгробий, их тени тянулись ко мне, будто пытаюсь схватить за ноги.

Когда я добрался до места, описанного стариком — за склепом, у белого безымянного креста, — меня охватило странное чувство, будто кто-то наблюдал за мной из темноты. Я огляделся, но вокруг не было ни души — только безмолвные каменные стражи кладбища. Копая, я чувствовал, как страх медленно проникает в каждую клетку моего тела, заставляя руки дрожать. И вот, когда лопата ударилась о что-то твёрдое, я замер.

Это был деревянный ящик, покрытый вековой пылью и паутиной. Дерево было настолько старым, что казалось, рассыплется от одного прикосновения. Дрожащими руками я открыл его. Внутри лежал странный артефакт — глаз, высеченный из чёрного камня. Он казался живым, словно следил за мной даже в темноте. Его поверхность переливалась оттенками чёрного, будто в нём кружились вихри тьмы.

Вернувшись домой, я положил находку на стол. Она притягивала взгляд, манила прикоснуться. Но стоило мне поднести руку, как по телу пробежал ледяной озноб, такой сильный, что зубы застучали. Я отдернул руку, будто обжёгся. Камень лежал на столе, тихий и неподвижный, но я чувствовал его взгляд, тяжёлый и пристальный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.